

Внеклассные чтения

Савелий Куницын

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Савелий Куницын

Внеклассные чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48563901

SelfPub; 2019

Аннотация

Ученик и учительница... История встречи двух серостей, забившая фонтанами красок. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	17
3	29
4	40
5	61
6	77
7	94
8	110
9	121
10	137
11	158

1

Когда листаешь дневник своего сына и видишь там по всем предметам «двойки» и «тройки», то это как бы и в порядке вещей. Ничего страшного, в принципе. Это лишь «двойки» и «тройки» – у всех так бывало. Даже у тебя самого.

Но когда ты видишь, что только по литературе у сына «4» и «5», это начинает тебя беспокоить. Да, это только «4» и «5», всего лишь цифры, абстракция, но это тебя начинает беспокоить. Потому что не у всех так бывало – так, чтобы по всем предметам «двойки» и «тройки», а по литературе – «четвёрки» да «пятёрки». Не у всех. Только у тебя самого. И именно это тебя напрягает.

Твои собственные школьные годы – это самая серая полоса твоей жизни... Ничего необычного. Наверное, так было у многих: серая личность, на самых задворках школьного актива, всегда смотрящая в парту. Когда эту серую личность вызывают к доске, то она и двух слов связать не может... Стоит и смотрит в пол. Будто все ответы написаны где-то там, меж щелей в оранжевых досках пола.

Когда эту серую личность толстый учитель географии

спрашивает на уроке: столица Венесуэлы? Она лишь стоит и молчит, эта личность.

На самом деле она знала столицу Венесуэлы и знала, куда ткнуть пальцем, чтобы получить пятёрку, но... Но очень уж робкой она была, эта серая личность.

Глаза – всегда в пол.

Когда эту серую личность стареющая учительница физики спрашивает: расскажи правило Буравчика? Она лишь молчит. Пусть она, эта серая личность, и знает правило Буравчика, это долбаное правило левой руки, но...

Сама серость, в общем...

Такая же серая, как асфальт в сухую погоду. Такая же серая, как алюминиевая ложка в советской столовой.

Такая же серая, как грязь под твоими ногтями...

И всё бы и шло таким чередом, если однажды у старой Марьи Ивановны – учительницы литературы – не приключился перитонит. Когда содержимое её желудка выплеснулось внутрь брюшной полости, её надолго уложили в больницу, а на должность преподавателя литературы взяли новую учительницу. Молоденькую. Почти молоденькую.

Это с высоты прожитых лет она кажется молоденькой, а тогда для парнишек-девятиклассников она казалась чуть ли не старухой. Ей было всего двадцать девять лет. Её звали Нина Васильевна...

Тогда-то всё и началось.

Ждешь, пока жена исчезнет где-нибудь на кухне, заходишь к сыну в комнату и показываешь ему его же дневник, машешь им в воздухе и спрашиваешь: за какие заслуги такие оценки по литературе? В тебе проснулся Цицерон?

Сын несколько неуверенно смотрит на тебя, оторвавшись от монитора компьютера, где его персонажа – варвара с мечом – долбают могучий монстр с огромными когтищами.

– Сочинение хорошо написал, – неуверенно отвечает он, украдкой бросая взгляд на монитор, где его персонажа музуют остервенелые твари подземелий.

– На какую тему? – спрашиваешь ты, продолжая держать дневник перед его лицом.

Сын смотрит на тебя как-то нерешительно. Он всегда так смотрит, но сейчас будто бы по-особому... Или просто это у тебя паранойя.

– О Некрасове... "Кому на Руси жить хорошо?", – тихо говорит сын и опять косится на монитор, где орды монстров уже почти втоптали его варвара в землю, отобрав всю энергию.

Тогда ты присаживаешься на диван, кладешь дневник рядом и уже более спокойным тоном спрашиваешь: Почему с другими предметами так плохо? Когда подтянешься?

Некогда могучего варвара с тяжеленным обоюдоострым

мечом разорвали в клочья, и игровой экран стал красным...

– Я исправлю все двойки, – тихо говорит сынулька, неуверенно мельком глянув тебе в глаза и вновь скосившись на пол.

Затем ты пытаешься ему объяснить, что это девятый класс. Что это очень важный класс. После него или в десятый, или в «фазанку», в ПТУ, а там только недоумки...

Всё это время сынулька смотрит в ковёр и молчаливо слушает. Он всегда такой, твой сынулька. Сама стеснительность. Таким же когда-то был и ты. Ты бы и сейчас таким остался, если бы не...

* * *

Силантьева Нина Васильевна была странной женщиной. Весьма экстравагантной. Люди, увлечённые литературой, проникшиеся поэзией Серебряного века, зачастую такие...

Даже сейчас, когда ты видишь идущую где-нибудь по городу женщину пенсионного возраста, в несуразно большой шляпе, в несуразных митёнках из чёрного атласа по самый локоть – то это вполне может оказаться она. Нина Васильевна.

Это теперь, с высоты прожитых лет, ты понимаешь, что у неё, как и у всех таких «артистичных» людей, имелось явное психическое отклонение. Весь её нестандартный образ – следствие странной психической патологии. Стремление

копировать аристократический стиль, его пуританство, быть похожей на какую-то графиню или княжну – всё это про- блёскивало даже в её старомодных очках и суровом взгляде.

То было время "Modern talking" и «Мираж». То было время джинсовых костюмов, «варёнок» и белых кроссовок. Обильно сдобренных тенями лиц и пышных причёсок. 1987-ый год...

Но ваша новая учительница литературы особняком стоит от своего времени. В старом твидовом костюме и строгих круглых очках она ходит вдоль парт, слушая, как какой-нибудь ученик декламирует у доски Твардовского, и строго постукивает указкой по своей левой ладони.

Поднимет указку – шлепок... Поднимет указку – шлепок... Поднимет – шлепок.

Ваш классный метроном.

Порой, когда ты осмеливаешься поднять глаза с парты, тебе доводится наблюдать покраснения на её левой ладони. Видимо, ей это доставляет удовольствие – такой вот вид самостязания.

Прогуливаясь между рядами парт под убаюкивающие строки какого-нибудь стихотворения, зачитываемого очередным гнусавым ребёнком, она любила внезапно ткнуть указкой в сторону оказавшегося рядом ученика и очень сурово сказать: Читайте дальше.

Указка в сторону жертвы метается очень быстро. Одним резким движением кисти. Предплечье полностью недвижи-

мо, стеклянные глаза смотрят вперёд – на пыльные полки с горшочками герани и портретами Лермонтова, Пушкина, Гоголя, а указка, словно гюрза в таджикских степях, молниеносно устремляется к лицу окаменевшего ученика и в миллиметрах останавливается у его удивлённого глаза.

Она очень театральная натура, эта Нина Васильевна. И при этом её глаза... Они заслуживают отдельного разговора. Такие стеклянные, смотрящие в пустоту... Даже когда Нина Васильевна смотрит прямо тебе в глаза, её взор всегда устремлён в далёкую пустоту. Это пугающее зрелище, надо сказать. Будто бы робот, облачённый в женскую оболочку. Причём, весьма стройный робот со всегда выгнутой спиной, будто бы в корсете, и узкой талией.

Парни перешёптываются на перемене: какая у неё жопа! Какие сиськи!

Именно тогда ты узнаёшь, что у новой учительницы – очень красивая фигура. Сам-то ты никогда женщинами не увлекался. Эротических журналов тогда ещё не было. Порносайтов – тем более. Впрочем, как и секса в Советском Союзе в целом. О том, как выглядит голая женщина, ты мог лишь строить приблизительные догадки по той бесформенной туше, которой была твоя мать – вечно улыбающаяся, вечно добрая и ранимая, готовая расплакаться в любой момент от всякого неверно сказанного слова.

Это теперь, с высоты прожитых лет, понимаешь, что ты весь пошёл в неё... Такой весь из себя стеснительный, за-

мкнутый.

Таким ты был раньше, но эта Нина Васильевна... Она всё изменила...

Однажды она вызывает к доске тебя – стеснительного, зажатого, забитого (вставь сюда миллион других прилагательных, которые ты знаешь, чтобы подчеркнуть максимально возможную серость). Ты выходишь к доске. Из-под ровно остриженных прядей волос, свисающих на твой прыщавый лоб, ты смотришь в пол и левой кистью сжимаешь правую, держа их обе на уровне своих гениталий, будто бы у тебя пенальти перед классом.

Ты должен читать стих Есенина... "Задремали звёзды золотые"... Ты должен читать, но ты стоишь и молчишь. Это была вторая неделя, как начала преподавать Нина Васильевна. Но тебя она вызвала к доске впервые. Весь класс, все двадцать пять ребят, они знали, что ты ни черта не скажешь. Что ты только простоишь пять минут впустую и ничего больше. Может, промычишь что-нибудь, но на этом всё и закончится. Тупик.

Ты бы мог быть идеальным разведчиком. В том случае, если бы тебя поймали, тебя пришлось бы долго пытаться. Да один чёрт ты всё равно бы ничего не сказал.

Этакий Павка Корчагин. Мальчиш-Кибальчиш... Стивен Хокинг.

Это знали все, но только не ваша новая учительница. Суровая дама с псевдоаристократической манерностью.

И вот, ты стоишь и молчишь... Чисто объективно – ничто не мешает тебе заголосить на весь кабинет:

– Читайте, Стебунов, – спокойно говорит Нина Васильевна, сидя у себя за столом и стеклянными глазами озирая класс.

Ты молчишь.

– Стебунов, – Стеклообразные глаза продолжают смотреть на парты с учениками, но ты явственно ощущаешь, что её периферическое зрение видит тебя с ног до головы: твои потёртые брюки школьной формы, твои немодные стоптанные кеды, твой школьный пиджак с короткими для тебя рукавами...

– Вы не выучили урок, Стебунов? – спрашивает Нина Васильевна холодно-спокойным голосом, в котором чувствуется скрытая угроза. А её глаза всё так же устремлены на шкафы в конце кабинета, на полках которых рядом с блекло-розовыми горшками герани торчат портреты Достоевского и Некрасова.

Ты молчишь. Она всё так же смотрит впереди себя, а на тебя – и бровью не ведёт.

– Да он всегда такой, – выкрикивает самый гиперактивный и улыбочивый ученик с одной из задних парт. – Всё время молчит.

Секундное молчание.

– Останетесь после урока, Стебунов, – холодно говорит

учительница, глядя стеклянными глазами впереди себя.

Она сказала, и ты остался...

Деревянная указка резко опускается на твоё правое плечо. Почти больно. Даже через свитер.

– Почему такое отношение к литературе? – спрашивает Нина Васильевна, стоя перед тобой и своими стеклянно-пустыми глазами глядя прямо тебе в лицо.

Она давит на указку, которая покоится на твоём плече, всё сильнее.

Ты молчишь.

Само воплощение серости молчит.

– Я жду ответа, – говорит учительница холодным голосом и давит на указку ещё сильнее. Нажмёт ещё чуть-чуть и эта сраная деревянная палочка просто сломается.

Но ты продолжаешь молчать.

Тогда учительница убирает указку с твоего плеча и стучит ею по своей левой ладони.

– Литература – это цветок человеческой цивилизации, – говорит вдруг Нина Васильевна, пустыми, но широко открытыми глазами глядя на портреты Лермонтова и Пушкина у горшков с геранью. – Если все предыдущие достижения человеческой цивилизации – это лишь стебель, листья и бутоны, то литература, а особенно поэзия – цветки. Цветки человеческой цивилизации, человеческой мысли. Нет Н-И-Ч-Е-Г-О прекраснее, чем поэзия. Все эти рифмованные фразы в окончаниях строк – ведь это самые возвышенные порывы

человеческой души, навек запечатлённые в словах.

В тот момент, при всей своей зажатости, закомплексованности, ты понимаешь, что у этой женщины не всё в порядке с головой. Она просто тронутая.

Если ты – это всего лишь сгусток комплексов, то она – это целая психическая патология.

Нина Васильевна – одна из тех учителей, что буквально «повёрнуты» на своём предмете. Считают его самым важным.

Важнее соли в супе. Важнее пальцев на руках.

– Так и будете молчать? – спрашивает она тебя, смотрящего прямо в парту.

– Я... – ты хотел что-то сказать, но язык ворочается медленно, а мысль уже ушла.

Тогда деревянная указка плавно поддевает твой склонённый подбородок и вынуждает его подняться вверх. Теперь твои глаза смотрят прямо в глаза учительницы.

Твои нерешительные в её – холодно-стеклянные.

Они совсем голубые, её глаза.

Ты смотришь в эти два омуты и... Чёрт подери, наверное, это самый близкий контакт с женщиной в твоей жизни!

В общем, в тот момент ты «кончил». "Кончил" впервые в жизни.

К своим пятнадцати годам, ты ещё даже не знаешь, что такое мастурбация.

Трудно расти без старшего брата, который всему тебя на-

учит и всё покажет.

Какой рукой и как сильно.

Ты помнишь лишь, как однажды в возрасте примерно шести лет лежал на полу в большой комнате и что-то рисовал. Твои мать и отец, они спокойно обсуждали необходимость приобретения земельного участка в какой-нибудь деревеньке неподалёку, чтобы овощи на столе были с собственной грядки.

Такая милая была обстановка: родители беседуют, ты рисуешь, лёжа на тёмно-бордовом паласе прямо на животе. Рисуешь какую-то херню. Ну, какую обычно рисуют дети... А пока ты лежишь на животе и иногда елозишь своими бёдрами в порывах творческого безумия, твоя маленькая пиписка начинает возбуждаться от соприкосновения с грубым паласом.

Тогда, возможно, это была первая эрекция в твоей жизни.

Во что ты был тогда одет, уже и трудно упомнить, но, скорее всего, во что-то типа каких-нибудь колготок «унисекс» цвета незрелого поноса, в которых тогда ходило всё маленькое население нашей необъятной Родины.

Пока ты малевал свой шедевр на тетрадном листке, твоя пиписка чуть-чуть привстала.

Ты ещё был слишком молод, чтобы обратить на это внимание. Ты вообще не думал, что что-то не так.

Когда завершаешь свой шедевр, то поднимаешься с пола и направляешься к маме, сидящей в кресле, чтобы показать ей

рисунок. Ты идёшь через всю комнату, а через твои колготки поносного цвета что-то предательски выпирает... Такое пока ещё маленькое, но уже с тенденцией к сепаратизму.

Как ты потом понимаешь, мама далеко не сразу заметила бумажку с рисунком в твоих ручках.

Это что такое, негромко восклицает она, хватая тебя за руку с рисунком, поворачивает к себе задом, и несколько раз шлёпает по жопе ладонью.

Ты вообще не понимал, в чём дело. Отец тогда вступился за тебя. Сказал, мол, это ведь нормально. На что мать отреагировала: в таком-то возрасте?!

Наверное, тот случай во многом и надолго определил твоё дальнейшее сексуальное поведение. Ты усвоил главное: всё, что связано с пипиской – плохо...

Потому, когда ребята в школе на переменах обсуждали в коридоре свои сексуальные проблемы, ты старался держаться от них в сторонке.

Эти разговоры с деловыми лицами у окна в коридоре...

– Я на днях надрочил полный спичечный коробок.

– Мой старый носок уже весь чёрствый от малофьи. Я кончаю в него уже почти полгода.

Ты только стоишь в сторонке, но не разговариваешь. Ты не можешь похвастать такими достижениями.

Только слушаешь и молчишь. Мотаешь на ус, но не более того.

Ты даже не знаешь, что там и как... За какую ручку дёр-

нуть и сколько раз.

Один из твоих одноклассников, Коля Смиренко, самый умный, спокойно говорит ребятам:

– На американском жаргоне «дрочить» – это «jerk» и "jack off". А ещё – "beat off" ...

О чём ещё могут говорить девятиклассники? Только о девятиклассницах и способах их отсутствия.

Когда в тот день ты возвращаешься из школы домой, то обнаруживаешь на изнанке своих школьных брюк зачерствевшее пятнышко. Такое махонькое... Первый эякулят в твоей жизни. Смесь секретов простаты, семенных пузырьков, куперовых желез, смегмы и не более пяти процентов спермы...

Да, то, что мы называем спермой, спермой является не более чем на пять процентов.

Но ты ничего этого не знал. Да ты и слово «сперма» тогда не слышал. Не от матери же с отцом, которые "про это" вообще никогда не говорили.

С годами всё более крепло твоё мнение о том, что и занимались они «этим» лишь однажды – в момент твоего зачатия. Зажатые, забитые, затюканные... Он – худенький, щупленький и закомплексованный, она – толстая, закомплексованная и глупая.

Такие родители могли воспитать только подобие себя...

Зажатого, закомплексованного, с пятнышком эякулята на штанах.

2

В очередной из вечеров, когда возвращаешься с работы, видишь, что куртки твоего сына нет в шкафу. Тебе известно, что у него не очень много друзей. И в принципе нет таких друзей, с кем он мог бы пропадать вечерами.

Он точно такой, каким ты был в его возрасте – серый, но не как волк, а серый, как мышь.

Всё своё свободное время он проводит дома, играя в компьютерные игры. Во всякие эти "Heroes of might and magic", «Starcraft», "Warcraft" и "Age of empires"...

Как и ты раньше всё своё время проводил за чтением учебников по астрономии, сказок Толкиена и Урсулы Ле Гуинн и корявым рисованием всяких острозубых монстров и рыцарей.

– Где Саня? – войдя на кухню, спрашиваешь у жены, которая варганит у плиты что-то съестное.

– Со своими друзьями по интернету встречается, – бросает жена, быстро глянув на тебя через плечо.

Точно, думаешь ты, усаживаясь за стол и нажимая кнопку чайника. Примерно раза два в месяц сынулька убегает на встречи с теми парнями, что находятся с ним в одном сегменте выделенного интернет-канала. На этих встречах они пьют пиво и треплются об играх, интернете и компьютерных технологиях вообще.

Ждёшь, пока вода в чайнике закипит, встаёшь за стаканом, а сам в это время думаешь: наверняка заходит у них речь и об их половой жизни. Говорят, интернет буквально напичкан порнографией – девочки, мальчики, собачки...

Так что наверняка обсуждают секс и всё, с ним связанное. Но если положить руку на сердце, то оно и к лучшему, вообще-то. Пусть говорят обо всём этом. Пусть делятся опытом. Может, хотя бы тогда у твоего сына будет шанс вырваться из объятий собственной серости. Ты и так уже жалеешь, что однажды навалял ему, когда тот вернулся с одной из таких встреч, и от него несло пивом. Только потом ты подумал, что Саня может ещё больше от этого замкнуться.

Пусть уж лучше пьёт с парнями пиво в подворотне, чем сутки напролёт впотьмах просиживает за компьютером, занимаясь хрен знает чем, наливая себе заварки, думаешь ты.

Хотя, может, он там по порносайтам шарится... Пусть лучше и так, чем просто в игры играет.

Жизненный опыт, он в любом виде хорош – хоть с книжных страниц в виде лирического героя, совершающего благородные подвиги, хоть с экрана компьютера в виде стройной блондинки с тремя толстыми членами во рту и трясущимся далматинцем, пристроившимся сзади...

Жизненный опыт хорош в любом виде.

Ты это знаешь по себе.

Через несколько дней Нина Васильевна опять вызывает тебя к доске. Ты должен читать Лермонтова. Его "Песню про купца Калашникова".

Ты, как всегда, стоишь и молчишь. Минуту, две...

Серый, как грязь под ногтями.

– Останьтесь после урока, Стебунов, – говорит тебе Нина Васильевна, холодными глазами глядя на горшки с геранью и большими и указательными пальцами обеих рук прокручивая указку.

И ты остаёшься.

– Вы боитесь выступать перед классом, Стебунов? – спрашивает Нина Васильевна, глядя на тебя своими холодными непроницаемыми глазами.

Она сидит за своим учительским столом. Ты стоишь рядом. Смотришь в пол под ногами или на свои выдавшие ещё Исход поношенные кеды.

Ты молчишь.

– Хорошо, – тихо произносит Нина Васильевна и раскрывает перед тобой хрестоматию по литературе для 9-х классов. – Сегодня же вечером вы должны знать...

Её палец утыкается в раскрытую страницу, в стих Байрона "Гяур"...

– Должны знать... – Она задумывается. – Любые шестна-

дцать строк из этого стихотворения.

Захлопывает хрестоматию и протягивает тебе.

Её холодные глаза смотрят сквозь очки прямо на тебя. Не в твои глаза, потому что они опущены в пол, а на твоё лицо.

– Сегодня же вечером вы должны мне прочесть этот стих, – говорит Нина Васильевна.

Говорит, а сама уже смотрит на шкафы в конце класса, на горшки с геранью, на портреты Пушкина и Лермонтова.

Ты принимаешь книгу из её рук.

– Когда кончатся занятия у второй смены, – говорит она, глядя в другой конец пустующего кабинета, – жду вас у школы. В 18:15...

– Я живу в трёх автобусных остановках отсюда, – добавляет она спокойным равнодушным голосом, глядя на герань и на Пушкина. – Читать будете у меня дома.

Древние верили, что комета на небосклоне – это предвестник каких-то глобальных изменений. Если этот принцип верен, то в тот мартовский вечер 1987-года в Советском небе должна была висеть комета. Огромная такая комета.

Комета Стебунова-Силантьевой...

* * *

Наверное, это несколько странно – лежать на кровати, раздвинув ноги, ритмичными движениями впуская в себя рослого мужика, и слышать при этом от него:

Наверное, это действительно странно, но твоей жене приходится это терпеть. Приходится терпеть декламацию стихов, которые ты когда-то заучил и которые для тебя теперь неразрывно связаны с "этим".

Твоя белокурая жена лежит и тихо постанывает, а ты, активно двигаясь, но при этом, ровно дыша, сопишь над её грудью:

"Было все очень просто, было все очень мило: Королева просила перерезать гранат, И дала половину, и пажа истомила, И пажа полюбила, вся в мотивах сонат".

И нельзя сказать, чтобы с твоей психикой были какие-то особые проблемы. Просто «это» для тебя неразрывно связано с поэзией. С Северяниным, Лермонтовым, Бродским...

Сопишь ты над ухом своей стонущей жены.

Когда «это» случилось у вас впервые, ты, не сдержавшись, начал читать стихи Рождественского. Это было очень странным для твоей жены. Тогда, почти пятнадцать лет назад, когда твоей женой она ещё и не была.

Она спросила, глядя на тебя, сопящего над ней стихи, расширенными глазами: с тобой всё в порядке?

Тогда, в 87-ом, когда около семи часов вечера ты и твоя учительница литературы оказались у неё дома, она предложила тебе чай. Простой чёрный чай.

Надо сказать, ты ожидал увидеть квартиру своей учитель-

ницы несколько иной. Более мрачной...

Старые, потёртые временем, гобелены из готических замков, громоздкие шторы с массивными ламбрекенами, свирепые гипсовые гаргулии у каждой межкомнатной двери из дубового массива, подозрительно щурящиеся на нового гостя... И непременно несколько детских трупиков нерадивых учеников из предыдущих школ, нанизанных на крючья в платяном шкафу.

Но ничего этого не было.

Самая заурядная однокомнатная квартира в «хрущёвке», каких в те времена было пруд пруди.

Обычные деревянные двери из шпона, покрытые голубой краской, местами уже обитой. В большой комнате громоздилось пианино «Элегия» с тремя золотистыми педалями, стоящее у самого окна. В той же комнате располагалась и большая кровать, на которой при желании мог разместиться десяток филиппинцев. Рядом с кроватью стоял огромный тёмно-коричневый шифоньер с непременно коробкой ёлочных игрушек и гирляндой наверху, под самым потолком. Между кроватью и шифоньером расположился высокий торшер из двух ламп, прикрытых плафонами из белого пластика.

В общем, всё было совсем не так, как ты ожидал увидеть. Совсем не такое жилище, какое должно быть у дамы с подобной псевдоаристократической манерностью, как у Нины Васильевны.

За столом на маленькой кухоньке, пока твоя учительница,

статно держа осанку, наливает вам обоим чай из чайничка с пожелтевшим ситечком, ты сидишь, тупо пялясь в клеёнку, разрисованную коричневыми узорами вперемешку с оранжевыми цветами.

Вообще, в этой квартире всё преимущественно коричневого и тёмно-оранжевого цветов. И от этого всё равно получается мрачно, пусть здесь и нет гаргулий и старых потёртых гобеленов. Всё подстать тёмно-синему твидовому костюму самой Нины Васильевны. Угнетающе.

Ты сидишь за столом, опустив свой взгляд в коричневую клеёнку, а твоя учительница уже налила чай. Она выуживает из шкафчика над газовой плитой вазу с конфетами "морской камушек" и квадратным печеньем и садится за стол, прямо напротив тебя.

С того момента, как ты вошёл в её квартиру, ты ещё не сказал ни слова. Сама Нина Васильевна тоже не особенно многословна. Она сказала лишь "Куртку повесь сюда", указывая на крючки на стене в коридоре, и потом: "Проходи на кухню, будем пить чай". Незаметно она перешла на «ты», от чего властности в её голосе только прибавилось.

И вот уже прошло около пятнадцати минут, а никто из вас ни слова больше не говорит. Очень напряжённое молчание. Уж лучше она хоть что-нибудь говорила, твоя учительница. Хоть то, какой ты бездарный ученик, какой нелепый, неказистый человек. Или то, какой у тебя безвкусный свитер. Особенно эти волнистые узоры на нём. Такие глупые –

сиреневые на бежевом.

Да пусть она говорила бы что угодно, лишь бы не было этой гнетущей тишины.

Нерешительно протягиваешь руку к стакану с чаем и неуверенно делаешь глоток.

– Добавь сахару, – приказным холодным голосом произносит Нина Васильевна, а сама стеклянными глазами смотрит в колеблющуюся поверхность чая в своём стакане.

Добавить сахару? Ты бы с удовольствием, но ты не можешь просто пошевелить рукой. Сидишь и пьёшь чай без сахара. И никаких конфет. Взгляд то на клеёнку, то в стакан.

Когда Нина Васильевна в полной тишине допивает свой чай, она говорит тебе перейти в комнату, чтобы читать там заученный отрывок стиха. И ты следуешь за ней.

За окном уже темнеет – начало марта, как никак. Но твоя учительница не включает большой свет в люстре с безмерным числом декоративных стеклянных тарелочек. Она статно наклоняется, держа спину ровной, и включает торшер у кровати – две полуметровые свечи-плафоны вспыхивают желтоватым светом.

Нина Васильевна говорит тебе встать у окна, а сама садится прямо напротив тебя на кровать. Делаёшь всё, как она сказала. И вот вы – друг напротив друга.

Ты стоишь спиной к окну, которое всего в метре за тобой. Из-под ровно остриженных прядей волос, свисающих на твой прыщавый лоб, смотришь в пол и левой кистью сжима-

ешь правую, держа их обе на уровне своих гениталий, будто бы у тебя пенальти перед твоей учительницей.

Нина Васильевна сидит на кровати в метре от тебя. Её колени под твидовой юбкой плотно прижаты друг к другу, кисти рук, сжатые в кулаки, покоятся поверх ног, а взгляд сквозь очки направлен в пол – прям как у тебя.

Годы спустя ты вспоминаешь эту сцену, и она заставляет тебя как-то неуклюже ухмыляться. Так же неуклюже, какими вы оба были тогда – ты и твоя учительница литературы.

Ты – полное собрание всех человеческих комплексов в одном томе, и твоя учительница – почти молоденькая, но со своими тараканами в голове.

Вы находитесь друг напротив друга и оба молчите. Так проходит около минуты. Примерно минута неловкого молчания. Затем Нина Васильевна произносит тихим голосом, который всё же не теряет своей властности:

– Читайте, Стебунов.

По старой памяти переходит на "вы".

Она говорит это, а сама даже не поднимает глаз от пола.

Ты сглатываешь тугую слюну и начинаешь:

Ты декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь забытую строку, декламируешь дальше, а пальцы в кулаках Нины Васильевны в это время начинают нервно поигрывать, шевелиться взад-вперёд.

Неловким движением твоя учительница снимает очки и

принимается их протирать большим пальцем правой руки, вода по линзам круговыми движениями.

Ты декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Нина Васильевна трёт свои стекляшки...

Декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Она всё трёт...

Декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Она трёт и трёт...

Декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Она слегка подаётся телом вперёд, протягивает к тебе левую руку. Ты собственными глазами наблюдаешь, как её пальцы слегка отрывают твои скрещенные ладони от области гениталий и касаются выпуклости на твоих штанах из хрен его знает какого материала.

Следующую строчку от неожиданности ты начинаешь повторять, буксуя от волнения на одном месте.

– Взгляд пораженный оторвать... Забудет путь свой продолжать.

Испарина выделяется на твоём прыщавом лбу. Сердце начинает долбиться, как сумасшедшее. Ты чуть ли не заикаешься.

Скрещенными ладонями пытаешься неуклюже отталкивать руку Нины Васильевны от себя, но она опять лезет под твои ладони, плотно прижатые к штанам в районе ширинки.

Всё твоё тело словно немеет. Ничто не движется, кроме рук, которыми ты пытаешься обороняться. Смотришь впер-

ди себя – на шифоньер с коробкой ёлочных игрушек наверху – и руками пытаешься отогнать цепкие пальцы учительницы от своей ширинки.

И при этом ты повторяешь строку из Байрона, засевшую в твоём мозгу и почему-то не позволяющую тронуться дальше:

– Взгляд пораженный оторвать... Забудет путь свой продолжать.

Тихая паника затуманивает твой юношеский мозг. Совершаешь руками какие-то нелепые резкие движения у своих гениталий, потакая детскому страху в попытках противостоять чужому вторжению на запретную даже для тебя самого территорию.

Ты с раннего детства усвоил простую истину: всё, что связано с пипиской – плохо... Мама тебе в одну секунду всё доходчиво объяснила несколькими шлепками по заднице.

В ушах аж звенит от волнения и напряжения.

Несколько секунд молчаливой борьбы с руками Нины Васильевны и ты "кончаешь".

Очередное пятнышко эякулята на твоих штанах опять гарантировано.

Руки немного расслабляются, и пробегает еле заметная дрожь по лицу. Видимо, твоя учительница всё это замечает. Потому что она сразу же ловко отодвигает твои ладони своими шустрými длинными пальцами и несколько грубо ухватывается за выпуклость на твоих штанах.

И тогда ты падаешь в обморок... Просто так. Незатеяливо.

3

Через два дня у тебя опять урок литературы. Ты его просто прогуливаешь, шатаясь со своим драным портфелем по окрестностям. Лазишь по давно уже ведущимся стройкам высотных домов, а сам всей силой своих юношеских, совсем ещё зелёных мозгов, пытаешься сообразить, что же делать дальше.

С высоты прожитых лет ты понимаешь, что та проблема для пятнадцатилетнего юнца-девятиклассника действительно была неразрешимой. Слишком ты был шокирован произошедшим, чтобы найти хоть какой-то мало-мальски разумный выход, кроме банальных прогулов всех уроков литературы и русского языка.

В тот вечер, когда ты был у Нины Васильевны в гостях, ты приходишь в себя на её кровати. Разгоняя послеобморочный туман перед глазами, ты смотришь то на обои, то на потолок.

Пусть ты и лежишь на кровати, но вся одежда на тебе: и свитер, и штаны, и носки.

Ширинка застёгнута.

Нина Васильевна выходит из кухни и подносит тебе стакан чая. Она присаживается рядом на кровать и говорит, глядя на включенный торшер:

– Вы очень слабы, Стебунов. Вам нужно потреблять больше витаминов.

Приняв сидячее положение и поставив ноги на пол, ты молча принимаешь протянутый стакан из рук учительницы. Делая глоток сладкого чая и, глядя в пол, отчётливо понимаешь, что тебе сильнее всего на свете сейчас хочется убежать отсюда.

Или снова упасть в обморок.

– Вам нужно идти домой, – говорит Нина Васильевна, переместив свой взгляд в сторону не задёрнутого окна. – Уже темно.

Когда завязываешь шнурки в коридоре, она говорит тебе, твоей скрюченной спине:

– Приходите завтра в семь часов.

Твои пальцы на мгновение замирают.

– Вы ведь так и не закончили читать Байрона.

Обратно домой ты не бежишь, хотя очень хочется. Ты просто идёшь, как обычно, потупив свой взгляд в самую землю, но при этом тебе кажется, что все прохожие смотрят на тебя – на сопливого пацанчика, который только что круто согрешил. И все эти осуждающие взгляды в твой адрес, все они говорят: как можно, молодой человек, как можно?

Эти взгляды, полные укора, говорят тебе: что скажут родители, если узнают?

Эти взгляды говорят: и как Вы теперь, молодой человек, будете выкарабкиваться из этого дерьма?

Но, конечно же, ты не знаешь ответа ни на один из этих вопросов.

Ты просто бредёшь по тёмной вечерней улице, как сомнамбула, и вокруг только мерещатся осуждающие взгляды.

И всё бы ничего... Ты бы тогда, наверное, пережил бы этот инцидент...

Всё было бы хорошо, но придя домой и ответив отцу и матери, что гулял с друзьями (которых у тебя отродясь не было, и все об этом знали), ты раздеваешься, проходишь в туалет, чтобы опорожнить мочевик, наполненный сладким и не сладким чаем, и обнаруживаешь, что твой юношеский член обильно покрыт чьей-то слюной...

Именно из-за этой слюны ты и начинаешь шариться по окрестным стройкам вместо уроков литературы. Шаришься там неделю, шаришься вторую.

Скоро ты будешь знать все тончайшие нюансы ближайших новостроек – где под лестницей насрано, где спят бомжи и где ловят кайф токсикоманы, оставляя после себя пустые тюбики клея «Момент» или грязные тряпочки, пропитанные ацетоном.

Однажды, в очередной раз прогуливая урок литературы, ты забредаешь в лесопарковую зону в вашем районе. Уходишь в неё поглубже и присаживаешься на ствол поваленного дерева. Кладёшь потрёпанный портфель рядом, достаёшь учебник биологии и с угрюмым видом принимаешься готовиться к следующему уроку.

В тот весенний день на тебя надета синяя болоньевая куртка, но погода выдалась в меру погожей, и ты её даже не

застёгивал. Под курткой виден твой старый школьный пиджак, к его нагрудному карману прицеплена язычком-держателем металлическая авторучка.

Казалось бы, такая мелочь, но, возможно, именно этот незначительный факт в тот день и спас твою нелепую серую жизнь от бесславной кончины. Ну, или в лучшем случае, спас твоё коричневое юношеское очко от постороннего вмешательства.

В общем, ты сидишь на огромном бревне среди зарослей сосен и всяких мелких кустарников, читаешь цитологию – раздел про устройство биологической клетки.

Ты не сразу замечаешь этого здоровенного детину рядом, одетого в какую-то робу серо-зелёного цвета.

– К урокам, что ли, готовишься? – спрашивает у тебя этот мордатый мужик, опуская рюкзак на землю у одной из сосен.

Ты слегка вздрагиваешь от неожиданности. Мельком и испуганно окидываешь его силуэт взглядом.

– Да, – отвечаешь ты, глядя на незнакомца исподлобья.

– А что за предмет? – снова спрашивает верзила и, как-то недобро улыбаясь, делает в твою сторону несколько тяжёлых шагов, ступая резиновыми сапогами.

– Биология, – тихо отвечаешь ты, глядя на мужика из-под прядей ровно остриженных волос, свисающих на твой прыщавый лоб.

– А, – произносит верзила и довольно улыбается. Он уже стоит в полутора метрах от тебя. – Биология – вещь полез-

ная...

Ты вновь опускаешь глаза в учебник и пытаешься читать, но две огромные лапы в резиновых сапогах всего в полутора метрах от тебя, попадающие в пределы твоего периферического зрения, не дают покоя.

Они настораживают и пугают.

Водишь по тексту учебника глазами, но никак не можешь себя заставить понимать смысл написанного. А верзила стоит рядом и молчит.

Так продолжается, наверное, целую вечность. А если объективно, то секунд пятнадцать-двадцать. Потом мордатый мужик произносит:

– А я к себе в сад иду.

Он машет рукой куда-то в сторону, где через сотню основных метров и через дорогу действительно стоят садовые участки, и добавляет:

– Да вот что-то поссать захотелось...

Верзила в садовом камуфляже говорит тебе всё это, а сам и с места не шелохнётся.

Ты сидишь читаешь учебник.

Верзила стоит рядом и смотрит на тебя.

Ты сидишь читаешь учебник.

– А ты, парень, поссать не хочешь?

Бац...

Сидишь, читаешь учебник и тебе становится как-то страшновато от таких вопросов.

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

– Не хочешь? – настойчивее спрашивает верзила, слегка склоняя к тебе голову.

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

Ты весь словно сжимаешься внутри от страха.

Мужик несколько мгновений ждёт твоего ответа, и затем вслух добавляет:

– А я possu...

Ты читаешь учебник, низко склонив голову, и видишь, как резиновые сапоги проходят мимо тебя и направляются к одной из сосен.

Чтобы облегчиться, мужик не встаёт к тебе спиной. Он поворачивается слегка боком, ровно так, чтобы было видно тебе, достаёт свой прибор и принимается обильно смачивать чёрствую кору многолетнего дерева.

Ты наблюдаешь всё это исключительно периферическим зрением, потому что на деле ты читаешь:

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

В жизни бывает так, что ощущаешь на себе чей-то взгляд. И боковым зрением тебе даже кажется, что этот конкретный человек смотрит прямо на тебя. Но в большинстве случаев, когда ты набираешься смелости обернуться к нему, выясняется, что смотрит он не на тебя, а куда-то мимо.

Но вот тогда, много лет назад, когда ты, будучи сопливым затюканным девятиклассником, сидел в том лесном массиве... Ты готов поклясться, что тот верзила, пока поливал

мощной струёй сосну, смотрел прямо на тебя. Держал лапщами свой здоровенный прибор, ссал на дерево и внаглую пялился на тебя, сопливого затюканного пацанчика.

Периферическое зрение не могло тебя подвести. Ты готов в этом поклясться даже годы спустя. Даже двадцать лет спустя.

А тогда ты сидишь читаешь учебник...

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

Замечаешь, что мужик прекращает ссать, поворачивается и медленно так, вразвалочку, направляется в твою сторону.

Что-то мимолётное кажется тебе странным в его походке. Поднимаешь глаза и через прямые пряди своей чёлки видишь, что мужик направляется к тебе, так и не убрав член в штаны.

Он держит его своей правой лапой, плотно обхватив по кругу, потряхивает им снизу-вверх, будто сбрасывая оставшиеся капли мочи. И, совершая всё это, он идёт к тебе.

Если бы ты тогда был чуточку посмышлёнее, то тот факт, что член в руке мужика почему-то был в полуэрегированном состоянии, заставил бы тебя мгновенно ломануться со своим драным портфельчиком прямо через кусты малины и плотные заросли крапивы и бежать до ближайшего места с живыми людьми.

Но ты тогда не был достаточно смышлёным во всех тонкостях половой сферы. И тот факт, что в руке у мужика почему-то вдруг оказался полуэрегированный член, не внёс в

твою мальчишескую голову дополнительных беспокойств.

Тебя просто сильно смущал уже сам факт того, что в тихом местечке незнакомый дядька гориллоподобной наружности и так и сяк ненавязчиво демонстрирует тебе предмет своей сомнительной мужской гордости, о котором ты даже думать боишься, не то что уж демонстрировать его проходим.

Верзила останавливается всего в двух метрах от тебя. Он продолжает трясти членом снизу-вверх, по кольцу зажатым в ладони.

– Ты, парнишка, точно поссать не хочешь? – спрашивает мужик, свысока глядя на тебя и стряхивая с члена капли мочи, которых там давно уже нет.

Ты опять опускаешь глаза в учебник и пытаешься читать там:

Но твоё сердце бьётся в груди с такой силой, что ты от волнения даже двух слов разобрать не можешь.

– А то пошёл бы поссал, – всё не унимается мужик.

Ты сидишь, якобы читаешь...

Внутри тебя всё трясётся, но снаружи ты, видимо, само спокойствие.

Верзила стоит перед тобой с членом в руке ещё несколько секунд. Затем он с досадой принимается убирать его в прореху своих дачных штанов.

Но на душе твоей легчает лишь чуть-чуть.

Ты, совсем зелёный пацан, закомплексованный, зажатый и серый, но не как волк, а как мышь, сидишь, жутко ссутулившись, на бревне в глубине лесопарка и делаешь вид, будто читаешь биологию. А всего в двух метрах от тебя стоит огромный мужик, только что как бы невзначай размахивавший своим членом у самого твоего носа. В лесном воздухе чувствуется не запах начатого дня, а повисшее напряжение.

Мужик убирает руки в карманы своего дождевика и ещё некоторое время продолжает на тебя смотреть.

– А ты чего ручку на карман цепляешь? – говорит он.

Косишься на нагрудный карман своего школьного пиджака, к которому прицеплена металлическая авторучка.

– Зря так делаешь, – говорит мужик.

Якобы рибосомы, якобы митохондрии...

Мужик говорит: а то споткнёшься и сам же на ручку упадёшь.

Ты сидишь, якобы читаешь.

Он говорит: убери её лучше в портфель.

Сидишь, якобы читаешь.

Говорит: от греха подальше.

Внутри тебя сковывает столь сильный страх, что ты теперь просто не сможешь ломануться отсюда прочь через кусты.

Твои ноги словно наливаются бетоном.

– Сам же и поранишься, на фига тебе это? – говорит мужик, засунув руки в карманы своего дождевика.

Он стоит перед тобой и будто бы ждёт ответа. Эта горилла стоит рядом и смотрит на тебя сверху вниз.

– Нет, – доносится хриплый голос из твоей пересохшей гортани.

Мужик, наверное, не ожидал услышать такой грубый голос от пацана твоего возраста. Всё дело в пересохшей глотке, но ему этого знать не надо.

Секунду он растерянно соображает, что сказать. И говорит:

– Ну так тебе же лучше будет. За тебя же беспокоюсь...

– Нет, – ещё раз хрипло отвечаешь ты. Внутри тебя всё напрягается. Ты не знаешь, что может быть дальше. И внутренне ты готовишься к чему угодно...

А мужик возьми да и скажи:

– Ну и ладно.

Он разворачивается, подходит к своему рюкзаку. Поднимает его, закидывает на плечо и, растерянно ухмыляясь, говорит:

– Странный ты какой-то, пацан.

Это тебе говорит мужик, который только что ссал, глядя на тебя.

О твоей странности тебе говорит мужик, который минуту назад размахивал членом почти у самого твоего носа.

– Ладно, я пошёл... Учись, давай, – говорит тебе верзила и удаляется по тропинке меж сосен и кустарников.

Как только спина в дождевике и с рюкзаком исчезает из

поля зрения, ты сразу же собираешь все свои манатки и ва-лишь из леса. Несколько раз даже возникало желание побе-жать сломя голову. Но ты всё же шёл ровно, с трудом пере-варивая случившееся.

Такого страха ты не испытывал никогда в жизни.

Это без преувеличения.

В голове возникает даже какой-то туман от пережитого стресса.

В конце концов, ты не выдержишь и по тропинке сломя голову несёшься к школьному стадиону.

4

Твоя осведомлённость о половой сфере человека и физиологических отличиях мужчины и женщины в твои пятнадцать лет была поразительной. Ты не знал почти ничего. Только самые общие факты.

Ты мог нарисовать голого мужчину. Очень приблизительно мог нарисовать голую женщину. Вот, в принципе, и всё.

А что там дальше, ты не в курсе.

Твоё знание сексуальной сферы человека ограничивалось тайным зашифрованным стишком, который ты услышал в девять лет от ребят во дворе.

Ложись на поле боя, Звони в колокола И суй свою морковь В пещеру Арара...

Ты и не полагал, наивный пацанчик в шортиках, что за этими словами кроется хоть какое-то символическое значение.

Когда в девятом классе, вас собирают в кабинете физики для общей фотографии, всех расставляют, как положено для таких снимков.

Первый ряд – девочки, сидящие на стульях.

Второй ряд – девочки в полный рост, несколько мальчиков и ваша классная руководительница в самом центре.

И третий ряд – исключительно мальчики, стоящие на стульях.

Всего двадцать семь человек.

Ты стоишь во втором ряду близ классной руководительницы – учительницей физики преклонных лет. Прямые пряди лоснящихся волос свисают на твой прыщавый лоб...

Фотограф делает несколько снимков и уходит.

Девочки убегают в коридор.

Мальчики, расставьте стулья по местам, говорит ваша учительница и тоже выходит из кабинета.

Ты берёшь два стула сразу и несёшь их к пустующим партам. В этот момент по кабинету разносится чей-то удивлённый вскрик. Ты оборачиваешься.

Это один из парней. Он стоит у стула из первого ряда, на котором фотографировались сидящие девчонки. Он растерянно улыбается и показывает всем на поверхность стула.

На нём виднеется пятно крови. На стуле, где сидела одна из девчонок.

– Офигеть! – якобы истерично выкрикивает кто-то из парней, улыбаясь при этом.

– Кто здесь сидел? – через улыбку и удивлённые глаза спрашивает другой.

– Вроде бы, Потехова, – отвечает третий.

– Точно Потехова! – восклицает четвёртый.

И все ребята стоят, сгрудившись вокруг стула, и с улыбками до ушей смотрят на пятнышко крови, оставленное после себя девочкой по фамилии Потехова.

Её звали то ли Ниной, то ли Галей, то ли Лидой – через

годы ты уже и не упомнишь.

Но и спустя всё это время ты не забудешь удивлённо-восторжённые лица улыбающихся парней и то, как они разглядывают стул и произносят странные слова.

Одни, как заклинание, говорят: течка.

Другие говорят: потекла.

Третьи: менструация...

Тогда ты ещё не знаешь значения этих слов. Для тебя это простая абракадабра.

Ты выглядываешь из-за спин парней, смотришь на пятнышко крови и никак не можешь понять, почему те часто произносят «фу» и брезгливо воротят носы, но при этом всё равно улыбаются.

Ты полагаешь, что у Нины-Гали-Лиды какой-то порез, рана или что-то в этом духе. А парни стоят и смеются.

– А где сидит Потехова? – восклицает один из них. – Давайте этот стул ей и поставим!

И ребята аккуратно берут стул в руки и тащат в другой конец кабинета.

С высоты прожитых лет на многое смотришь иначе. Когда по телеку показывают, как православная братия бьёт копытом, с пеной у рта выступаю против введения в общеобразовательных школах такой дисциплины, как "Половое воспитание", ты не можешь не смотреть на это с прискорбием.

В такие моменты ты всегда вспоминаешь совсем ещё юного себя. Серую мышь, выросшую в семье двух других серых

мышей.

Очень вероятно, что если бы не твоя несколько странно-ватая учительница литературы, ты так никогда бы и не узнал всей правды о капусте и аистах. И хрен знает, как тогда сложилась бы вся твоя нелепая жизнь.

Наверное, стала бы ещё нелепее.

Ты вспоминаешь эпизод из своей уже более зрелой жизни. Из позднеинститутской поры, когда довелось проходить практику на геофизическом факультете Горной Академии.

Тебе двадцать два. Ты сидишь где-то почти в тайге в комнате каротажного ЗИЛа с руководителем геологоразведочной группы Степаном Геннадьевичем Жуковым по прозвищу «Фольксваген». Вы пьёте крепкий чай со сгущёнкой.

Степану Геннадьевичу уже за пятьдесят. Половина жизни в разъездах геологоразведки. Весёлый, шепутной.

Он много интересного поведал тебе за полтора месяца заполярной вахты, которая в Академии зачитывалась тебе как практика.

"Фольксваген" наливает себе вторую кружку горячего чифиря и принимается рассказывать очередной случай из жизни.

Тогда вы в виде монолога Степана Геннадьевича беседуете на тему распущенности современной молодёжи.

За стенками каротажной будки – холодное лето 93-го...

И в контексте своих рассуждений о сексуальной озабоченности тогдашней молодёжи говорливый и юморной руково-

датель геологоразведочной группы задорно щурится и, словно для самого себя неожиданно, вспоминает кое-что забавное.

– О! Что я тебе сейчас расскажу! – глотая горячий чай, Степан Геннадьевич делает жест кистью снизу-вверх. Мол, слушай, обоссисься. – Какие забавные вещи в жизни бывают... Такое, наверное, только в те давние времена произойти и могло. Сейчас такое трудно даже представить...

"Фольксваген" делает ещё глоток и говорит:

– Так вот, это было, когда я сам ещё в Горной Академии учился. Курсе на пятом, вроде...

Прикидывает что-то в уме, бросает взгляд на потолок.

– Это, вроде как, год 66-ой был... Так вот, была в нашей группе пара – Он и Она. Как её звали, не помню, но его – Саня Кирдяпкин. Редкая фамилия и смешная, потому и запомнил. Так вот...

Швыркает горячим чифирем.

– Они познакомились ещё на первом курсе и летом, аккуратно после экзаменов, свадьбу сыграли. И потом стали они вместе жить в отдельной комнате в нашем же общежитии. Он, Саня, то есть, парнем был тихим, спокойным, и она тихоня редкая. Нашли, в общем, два сапога друг друга.

Делает ещё глоток.

– Так вот... За всей учебной суетой и пиршеством молодости незаметно пролетел второй год обучения, за ним – третий, четвёртый, а там и пятый подкатил. И вот как-то мы с

одногруппниками – исключительно парнями, то есть, – по какому-то вшивому поводу собрались вместе и сидели, опорожняли целый ящик «Анапы». Весело, надо сказать, пили, задорно. Защита диплома скоро, как никак, близилась, и вольные хлеба потом... Хотя, кому вольные, а кому – нет. Я вот от Качканарского ГОКа ведь в Академии учился по направлению. Так что мне вольные хлеба не светили ещё как минимум три года после окончания. А... Ну хотя я не о том...

Ещё раз швыркает горьким чифирем, кашляет в кулак и продолжает:

– Так вот... Весело мы тогда сидели с ребятами, а тут попозже и Саня Кирдяпкин подтянулся. Смурной, правда, весь, как туча над Петрозаводском. Налили мы ему безмерную кружку «Анапы» и дальше все веселиться. И чем дальше, тем веселее всем и безудержнее, а Саня, наоборот, всё мрачнее и мрачнее. И вот примерно через час веселья кто-то спрашивает Саню, который весь уже мрачный, как проводница с тестом на беременность... Спрашивает его, значит, что стряслось, отчего он весь кислый такой?

"Фольксваген" делает ещё глоток чая и заедает ложкой сгущёнки.

– И тут Саню нашего словно прорвало, – продолжает Степан Геннадьевич, слегка вскидывая брови. – После хрен его знает скольких кружек «Анапы» чуть не разрыдался он там перед нами от одного этого вопроса. А потом таки голосом,

будто предсмертным, от которого сразу становится понятно, что у мужика на душе тяжесть огромная, Саня нам и говорит, глубоко вздыхая: "Ой, мужики, не знаю, что и делать больше... Столько времени уже прошло, а детей у нас до сих пор нет".

– Это он про себя и супружницу свою говорил, – поясняет Степан Геннадьевич и отхлёбывает чай. – Так вот... Мы сразу к нему с советами душевными кинулись и расспросами всякими. Кто что знает, то и советует, а Женя Семагин говорит, мол, у меня отец – врач как раз по этой части. Обратись, мол, к нему. А потом спрашивает, не застудился ли Саня когда, и как с эрекцией, вообще, дела?

А Кирдяпкин делает непонимающее лицо и спрашивает, мол, что такое, эта твоя эрекция? Женя Семагин по-хмельному серьёзно отмахивается: про «стояк», мол, я. Как стоит у тебя? Проблем нет?

"Фольксваген" по-быстрому несколько раз швыркает цифирем, будто и сам хочет поскорее узнать развязку истории, и продолжает:

– А Саня так в ответ немного выпрямляется, наливается краской, как спелое яблоко, и переспрашивает у Семагина: а причём здесь это? Женя поясняет, мол, во время половых актов никаких трудностей не возникает? Всё ли в порядке?

Лицо Кирдяпкина становится всё менее мрачным и всё более озадаченным. И у нас у всех был просто настоящий ступор, когда Саня спрашивает, недовольно хмурия брови: ка-

кие половые акты?...

Степан Геннадьевич на секунду замирает, глядя на тебя с улыбкой и театрально вскинутыми бровями.

– И, в общем, получилось так, что за все четыре года супружества эта тихая парочка Кирдяпкиных ни разу не переспала в самом пошлом смысле этого замечательного слова.

– У них ни разу не было секса, – улыбается тебе «Фольксваген» и швыряет чифирем. – Все четыре года они лишь обнимались и целовались.

Перед сном.

Каждую ночь.

И даже не знали, что такое секс.

Степан Геннадьевич улыбается во всё лицо, а ты пытаешься изобразить искреннее удивление.

И не важно, что ты сам впервые узнал о сексе лишь в пятнадцать лет. Ты изображаешь искреннее удивление.

– Ну а как же эрекция? – удивлённо спрашиваешь ты. Всем своим видом ты показываешь, что в твои двадцать два у тебя уже было хотя бы два десятка женщин. – Во время обниманий и поцелуев ведь должен был «вставать»... Это наталкивало бы на определённые мысли... Да и инстинкт подсказал бы, что там дальше нужно...

Ты говоришь это, а лицо твоё пусть и якобы уверенное, но ты всё же чувствуешь, что оно напряжено со своей маской.

– Определённые мысли у них, конечно, возникали, – усмехаясь, кивает «Фольксваген». – Как только у Кирдяпкина

«вставал», и его супружница ощущала Это, соприкасаясь с Ним бедром, так оба тут же, зардевшись, отстранялись друг от друга, отворачивались в разные стороны и, невероятно стыдясь произошедшего, засыпали...

"Фольксваген" ещё раз швыркает чифирем и заедает ложкой сгущёнки.

– А что касается инстинкта, – говорит он и задумывается, – то очень сомневаюсь, что у людей такой инстинкт есть. Сомневаюсь, что такое знание присуще человеку от рождения. Априори, как сказал бы Моня Кант.

Он бросает взгляд из маленького окошка каротажной будки на улицу – на огромные размашистые ели и густые стаи комаров прямо за стеклом.

– Если представить себе парня, который был выращен вне всяких контактов с людьми, в изолированном помещении, скажем... Где его через окошечко кормили три раза в день и всё... Этакий Каспар Хаузер, – говорит Степан Геннадьевич и наливает себе уже третью кружку добротного чифирия. – И вот если такого вот хлопца в день его восемнадцатилетия свести с абсолютно такой же девицей, то очень уж сомневаюсь, что он тут ж оседлает её, как ретивого мустанга.

"Фольксваген" опять улыбается и отхлёбывает чай.

– Вообще-то, такой парень даже и ходить-то не будет уметь, поскольку никогда не видел, каким образом ходят люди. Так что ему и в голову не придёт встать на две ноги со своих четверенок... Чего уж и говорить тогда о том, чтобы

отпердолить бабу по полной программе?!

И Степан Геннадьевич громко и от души смеётся. А ты сидишь напротив него и по-деловому так, довольно ухмыляешься, будто в твоей половой жизни было уже три десятка женщин.

А была-то лишь Нина Васильевна в девятом классе аж шесть лет назад да Марина уже как три месяца.

Она-то и станет твоей женой ещё через год. Но тогда ты этого ещё не знаешь...

Всего две женщины в твоей жизни. Но в тот вечер в будке каротажного ЗИЛа в глухой тайге под Ивделем в твоей ухмылке – все сорок женщин...

– Секс – такая штука, – говорит «Фольксваген», поглядывая на тучи комаров за окном, – что о нём узнаёшь или от своего старшего брата, или от более шустрых и продвинутых друзей с их старшими братьями. Ну или же узнаёшь о нём путём подглядывания в замочную скважину двери в комнате старшей сестры, которая в момент отъезда ваших родителей на никому не нужную дачу почти выпинывает тебя, салагу, из квартиры и тащит к себе дерзковатого парня из соседнего двора, а ты, испачкав футболку, ненароком тихо возвращаешься домой и слышишь все эти странные звуки из её комнаты...

Отхлёбывает ещё чая.

– И уж поверь, дети из глубоко религиозных семей узнают о сексе, совсем не из Библии, а от всё тех же плохих

парней, которым любые запреты чужды... И род человеческий продолжается не благодаря завету Господа "Плодитесь и размножайтесь", а исключительно благодаря людям, которые про бога-то никогда и не слышали... Если бы все были такие, как Кирдяпкин, то давно бы все повымерли. Видать, поэтому интеллигенты на Руси и повывелись как класс...

Тут неожиданно Степан Геннадьевич вскидывает правую руку вверх и вскрикивает, улыбаясь:

– О! Сейчас тебе расскажу, как мы этого Кирдяпкина потом учили, как там и что делается! Слушай, обоссись!!!

Так что, после всех этих забавных до смешного историй для тебя не стоит вопрос, преподавать ли в школе половое воспитание. Этот вопрос для тебя однозначно закрыт.

Ты лично на своём примере знаешь, каково это – ощущать нехватку информации о столь важном вопросе.

* * *

После того, как ты обнаруживаешь в своих трусах облюбованный член, тебе волей-неволей приходится заинтересоваться половым вопросом.

На каждой перемене ты выходишь из кабинета к окну в коридор и делаешь вид, что общаешься с тихим очкариком-заучкой. На деле ты просто слушаешь, о чём говорят опережающие тебя в развитии одноклассники у соседнего окна.

Один из них говорит: слово «дрочить» есть даже в словаре Даля.

Он говорит: и значило оно раньше то же, что и «поднимать», "взбивать".

Это всё рассказывает Коля Смиренко. Почти все познавательные рассказы здесь, у коридорного окна, принадлежат ему.

Немного косишься в его сторону. Ходячая энциклопедия, думаешь ты про него. Ты восхищаешься им. Такой степенный, статный, умный...

Тебе таким никогда не бывать. Даже рядом не стоять.

Максимум – это стоять в двух метрах от него и слушать, как он рассказывает своим друзьям на перемене у окна что-то новенькое и интересное.

Твой очкастый визави Гриша Соловей в этот момент увлечённо, но скромно рассказывает тебе об одной хорошей книге.

Ты киваешь Гришиным словам, а сам слушаешь в двух метрах: был и второй смысл слова «дрочить» – это холить, нежить, баловать, ласкать. Раньше запросто могли сказать "дрочёное дитя".

Ребята рядом с Колей Смиренко прыскают от смеха.

– Но это означало лишь "избалованное дитя", – спокойно улыбается Коля. – Дрочить дитя по головке – значит просто его гладить. Так что, раньше «дрочить» было самым обычным словом. Это только сейчас оно прилипло исключительно

но к члену.

А Гриша Соловей в это время рассказывает тебе о толстенной иллюстрированной книге под названием «Почемучка», которую мать привезла ему из Новокузнецка.

Ты смотришь на него, киваешь его словам, но всеми силами слушаешь разговор в двух метрах от вас.

Застенчивый Гриша Соловей увлечённо повествует о цветных рисунках зверей в "Почемучке".

Гриша Соловей... Через несколько лет он умрёт от укуса осы, когда проглотит её вместе с куском персика. Укус во внутреннюю область глотки приведёт к интенсивному воспалению, и парень просто-напросто задохнётся, не дождавись приезда "скорой".

Но тогда, в 1987-ом, ты всего этого не знаешь и попросту позволяешь себе делать вид, что его слушаешь. А сам же ты слышишь: кстати, на американском жаргоне «дрочить» – это «wank», – говорит Коля Смиренко. – И ещё "choke the chicken".

И вот по таким крохам ты собираешь информацию о том, чем твои родители занимались, возможно, всего один раз в жизни.

Всю правду про аистов и капусту...

По разговорам своих соклассников ты понимаешь, что кто-то из них уже имел сексуальный опыт. Это в девятом-то классе. Может, эти парни лишь делали вид друг перед другом, что всё в их жизни уже было, но говорили они о таких

вещах, тебе казалось, со знанием дела.

В очередной раз слушая, как кто-то из твоих одноклассников кинул Зинке Прокофьевой три «палки» (тоже новое для тебя слово), ты начинаешь ощущать себя прескверно. Будто ты – это парнишка из школы-интерната для умственно отсталых, вяло плетущийся по шпалам вслед убегающему поезду. На этом поезде несётся в неведомую даль, в светлое будущее всё твоё окружение, все сверстники, а ты неуверенно перешагиваешь щебень между деревянных шпал, бредёшь и эдак глуповато пялишься по сторонам – на кусты рябины, на тополя, на поющих соловьёв... Жизнь несётся вперёд, а ты плетёшься чёрт знает куда и чёрт знает зачем. И плетёшься очень вяло, а надо стараться настигнуть этот уходящий состав.

Но серая мышь от своей норки бегаёт недалеко.

Внутри тебя столько страхов, что ты даже и не надеешься вырваться из объятий своей серости.

И Маша Брауберг – скромная и умная девочка, всё время тихо сидящая за своей партой – никогда и не узнает, что Витя Стебунов питал к ней нежные чувства.

А не узнает она этого потому, что он серый и зажатый, как останки альпиниста среди булыжников горного завала.

Он прячется от внешнего мира, как и его юношеский прыщавый лоб под его засаленной чёлкой.

Каждый учебный день он стоит с очкариком Гришей в коридоре у кабинета и слушает его рассказы о всякой детской

чепухе.

В очередной раз ты стоишь у окна и делаешь вид, что слушаешь повествование Соловья. Он рассказывает о том, как дома уже несколько месяцев ходит в туалет, не включая там свет. Чтобы потом купить себе набор юного химика, он экономит на свете.

Ты делаешь вид, что слушаешь этот бред, а сам стараешься разобраться, о чём на этот раз говорят твои более продвинутые в жизни одноклассники у соседнего окна. Смотришь в окно, которое ведёт в школьный двор, и в этот момент сзади слышишь:

– Стебунов...

Твоё тело невольно немеет от этого властного голоса. Холодная волна прокатывается от кончиков рук к голове и вниз, к ногам.

Тебе даже не нужно оборачиваться, чтобы понять, что за твоей спиной стоит Нина Васильевна.

Как шест, вкопанный в землю, ты медленно проворачиваешься вокруг своей оси, но глаз поднять так и не смеешь.

Нина Васильевна говорит: почему не посещаете мои уроки, Стебунов?

Ты стоишь и молчишь. Ты не знаешь, что ответить.

Не говорить же "Нина Васильевна, поскольку я обнаружил в своих трусах обслюнявленный Вами член, то решил не ходить на литературу и русский"...

Тугой ком подкатывает к горлу, а под чёлкой на прыща-

вом лбу выступает холодная испарина.

Нина Васильевна смотрит на окно за твоей спиной и говорит: девятнадцать часов прогулов...

Ты стоишь поникший, не в силах поднять глаз, готовый провалиться хоть в Преисподнюю, и ничего не слышишь, кроме Её голоса.

Этот голос с холодной властью говорит: не сдано сочинение и два диктанта...

Ты не слышишь, как ребята у соседнего окна тоже замолкают. Они смотрят на тебя и Нину Васильевну.

Она говорит: положение критическое. Вам нужно срочно что-то предпринимать для его исправления.

Ты не слышишь, как птицы на улице прекращают петь, и близится гроза.

Властный голос говорит: сегодня после окончания уроков второй смены я жду Вас в своём кабинете, будем разговаривать.

Твой потупленный взгляд не может выразить всего отчаяния, что овладевает тобой. Ты готов умереть прямо сейчас или опять рухнуть в обморок, но ни того, ни другого не выходит.

Нина Васильевна холодно смотрит через линзы очков на окно за твоей спиной и говорит: и даже не пытайтесь не прийти...

И она уходит. Просто поворачивается и идёт вдаль по коридору вместе с другими учителями и учениками.

– Вот у неё и жопа, – восхищённо произносит кто-то из парней, чьи разговоры ты ежедневно старательно слушаешь в школьном коридоре.

А ты стоишь у окна рядом с притихшим Гришей Соловьём и вид у тебя такой, будто только что огласили твой смертный приговор. Смотришь в гранитный пол и понимаешь, что сегодня тебе опять придётся ехать к Нине Васильевне домой.

Читать Байрона.

Опять.

И вид обслюнявленного члена не идёт из твоей головы...

– Вот ты и встрял, Стебунов, – громко говорит тебе Саня Иванов – невысокий светловолосый пацан мажористого вида. Он довольно ухмыляется и добавляет: – Но жопа у неё и, правда, классная...

– Да она ненормальная какая-то, – спокойно замечает Коля Смиренко. – У неё с головой какие-то проблемы.

И парни у соседнего окна опять заводят беседу на какую-то около сексуальную тему.

Отмолчавшись и протерев свои очки, Гриша Соловей смотрит на тебя и продолжает прерванное повествование:

– Я рассчитал, что за одну минуту 60-тиваттная лампочка в туалете расходует...

* * *

В тот знаменательный вечер, когда ты оказываешься у Ни-

ны Васильевны второй раз, она опять усаживает тебя за стол. Вы опять пьёте чай. Как и в первый раз.

Впоследствии это входит в своеобразную традицию – пить у неё чай.

И, кстати, эта мелочь – распитие у неё на кухне, – как и та металлическая авторучка тогда в лесу, сыграет свою немаловажную роль во всей этой истории.

В общем, в тот вечер, когда ты второй раз оказываешься у Нины Васильевны, вы опять пьёте чай.

Опять молча, как и в первый раз. Вы и в автобусе до нужной остановки едете молча.

Она молчит, холодными стеклянными глазами смотрит куда-то в сторону. Ты молчишь, твои глаза под засаленной чёлкой боязливо уставились в грязный пол автобуса. И сердце бьётся всё медленнее.

Нина Васильевна идёт от остановки до своего подъезда, ты молча плетёшься рядом.

Пока Нина Васильевна поднимается на свой этаж, ты молча плетёшься рядом.

Она открывает обитую старым дерматином дверь, ты молча стоишь рядом.

Входит в квартиру, ты молча заходишь за ней.

И всё это время ты смотришь исключительно себе под ноги.

Со стороны, наверное, это выглядит несколько забавно – затюканный пацан и женщина примерно тридцати лет, идущие

щие рядом.

Она – словно тюремщица, ведущая узника в кандалах, и он – словно узник в кандалах, плетущийся за тюремщицей.

И ты действительно ведь идёшь, словно в кандалах.

Ни убежать, ни позвать кого-то на помощь у тебя даже не возникает мысли.

Совсем не возникает.

Даже отдалённого эха нет.

Наверное, это самая что ни на есть рабская психология.

Психология жертвы.

Ты лишь вяло плетёшься и обречённо смотришь себе под ноги.

Как загипнотизированный удавом кролик.

Только в прихожей Нина Васильевна произносит первую фразу. Она снимает с себя пальто и говорит:

– Проходите на кухню.

И ты разуваяешься и проходишь.

Когда вы допиваете чай, возникает неловкая пауза. Хотя... Вы и так оба всё время молчите, как ещё может быть пауза.

Нина Васильевна сидит за столом, её руки лежат поверх крест-накрест, а взгляд направлен в опустевший стакан.

Ты тоже смотришь на свой опустошённый стакан. Руки опущены под стол промеж ног.

Эта мизансцена длится около минуты.

Она смотрит в свой стакан, ты – в свой.

Потом Нина Васильевна внезапно поднимается со стула и подходит к холодильнику.

Спина её очень ровна. Она всегда так держится – статно. Плечи расправлены, подбородок приподнят, и ни малейшей сутулости.

С открытой дверцы холодильника она извлекает бутылку водки.

Именно водки.

Не коньяк и не вино хранится в закромах у преподавательницы литературы с патологической манерностью аристократки, а именно водка.

Причём бутылка уже початая. Но отпито лишь самую малость.

Нина Васильевна возвращается за стол, неумело своими тонкими пальцами откручивает крышку и наливает водки на несколько глотков прямо в стакан с остатками чая.

Когда вся эта картина попадает в поле твоего периферического зрения сквозь прямые пряди чёлки, ты не можешь сдержаться и поднимаешь взгляд.

В тот момент ваши глаза встречаются. Впервые за долгий промежуток времени.

Каких-то полторы секунды вы смотрите друг на друга. Ты – на неё, она – на тебя.

И ты слишком напуган в тот момент, чтобы прочесть испуг и в её глазах.

Нина Васильевна опять отводит взгляд в сторону, куда-то

в стену, поднимает со стола стакан и, давась, в несколько глотков опрокидывает водку в себя.

Тогда ты первый и последний раз видел, как человек морщится не всем лицом, а одними лишь глазами.

Нина Васильевна на мгновение замирает, будто позволяет мурашкам пробежать по телу, потом ставит стакан на стол и произносит, по-прежнему глядя мимо тебя:

– Пойдёмте в комнату...

Она поднимается со стула и выходит из кухни.

Ты ещё несколько секунд сидишь за столом. Твои глаза расширены. Страх ещё сильнее охватывает твою маленькую душу.

В мозгу пульсирует лишь подзабытый стих Байрона, облюбованный член и материнский наказ многолетней давности о том, что всё, что связано с пипиской – плохо...

Ходить к Нине Васильевне ты начинаешь каждый вечер. Нет, ты ходишь туда не добровольно. Просто она каждый раз говорит тебе "После окончания уроков второй смены ждите меня у школы". Или "Во столько-то вечера ждите меня сразу у моего подъезда"... И ты каждый раз выполняешь её указания.

У тебя даже не возникает мысли не повиноваться. Всё строго по приказу.

И так продолжается первые две недели: заканчиваются уроки твоей смены, ты идёшь домой, ешь, успеваешь вздремнуть часок или два, а затем снова идёшь к школе.

У Нины Васильевны ты проводишь около трёх часов, а то и четырёх, почти каждый день, кроме выходных.

Твои родители свыкаются с мыслью, что их серый отпрыск нашёл себе хоть каких-то друзей, с которыми может проводить вечера вне дома.

А ты же, в свою очередь, осваиваешь территории, доселе тебе неизвестные.

В первый же вечер, когда ты лежишь распластанный на единственной кровати в доме, а Нина Васильевна ползает в районе твоего живота, ты узнаёшь много нового.

Например, тогда ты впервые видишь эту большую таблетку.

Наподобие аскорбиновой кислоты, только больше раза в четыре.

В такой же бумажной упаковке, только одна таблетка размещается над другой, в итоге образуя ленту.

На упаковке над каждой из этих гигантских аскорбинок написано:

Завод РИ г. Армавир
ПРЕЗЕРВАТИВРЕЗИНОВЫЙ *Гост 4645-81 Тип А*
Номер 1 Цена 2 к март 83

Только когда Нина Васильевна надрывает упаковку и достаёт из этой ленты одну такую аскорбинку, ты понимаешь, что это такое. Когда она пальцами раскручивает резиновое колечко в некое подобие ещё не надутого воздушного шарика, ты понимаешь, что это такое на самом деле... Вернее, не то, что бы понимаешь, но примерно начинаешь догадываться.

Если бы не Нина Васильевна, то ты не знал бы многого...

Например, тогда же ты впервые узнаёшь и то, что значил тот невинный стишок из твоего глубокого детства.

Тот самый:

Ложись на поле боя, Звони в колокола И суй свою морковку В пещеру Арара...

Ты понимаешь, о чём щебетали дети в твоём дворе лет десять назад. Ты понимаешь, что такое, эта загадочная пещера Арара...

И всё спасибо Нине Васильевне, твоей учительнице лите-

ратуры.

Огромное спасибо.

В тот первый вечер ты лежишь на спине без штанов с раздвинутыми ногами и широкими от шока глазами смотришь в потолок с пожелтевшей известью.

Твой пересохший от волнения мальчишеский рот хватает застоявшийся воздух комнаты.

В целом вид у тебя такой, будто ты сидел на унитазе, читал газету, и вдруг в сортир врывается грабитель в маске и принимается размахивать у твоего лица ножом.

Ты не знаешь, что там делает эта странная Нина Васильевна, внизу твоего живота. Но примерно догадываешься.

Вспомни обслюнявленный член.

Мозг конвульсивно и резко сокращается, как судорожная мышца, и адекватное мышление покидает тебя. Твоё сознание сейчас – это шоковое состояние.

Перегретый паровой котёл.

Программное обеспечение на компьютерах ядерной станции в момент критического перегруза.

Сигнал тревоги и красные огни то тут, то там. То тут, то там...

И механический женский голос в динамиках: *персоналу станции срочно покинуть здание. Срочно покинуть здание...*

Завывания тревоги и сигнальные красные огни всё громче, всё ярче, всё чаще...

Твоё сердце бьётся в бешеном ритме. Как барабанная дробь перед повешением государственных преступников.

Срочно покинуть здание... Срочно покинуть здание...

Твои глаза перестают видеть.

Напряжение всё нарастает.

Твой мозг кипит. Сознание бьётся в предсмертных конвульсиях.

Под общий гвалт и панику из тумана выплывает образ твоей толстой мамашки. Она грозит тебе своим пальцем-сарделькой: **всё, что связано с пипиской – плохо...**

Срочно покинуть здание... Плохо... ...покинуть здание!

Плохо! ... здание!!! Плохо!!! Плохо!!! Плохо!!! Плохо!!! Плохо!!! Плохо!!!

Внезапно в твоём мозгу происходит какой-то взрыв. Реактор накрылся. И на горячей тугой волне тебя выносит из душного подвала станции на свежий воздух к яркому сияющему солнцу. Тёплый воздух окутывает всё твоё тело и плавно колышет на мягких волнах.

Плавно, как в ритме медленного вальса.

Тудаааааааааааааааааааааааа...

Сюдаааааааааааааааааааааааа...

Тудаааааааааааааааааааааааа...

Сюдаааааааааааааааааааааааа...

Амплитуда сердечных ударов идёт на убыль. Длина волны становится всё больше.

И на этих волнах ты словно выплываешь из небытия. Из

временного забвения.

Твои широко раскрытые глаза расслабляются. Веки слегка смыкаются, и ты вновь видишь над собой потолок с пожелтевшей известью.

Ты вернулся. Твоё тело расслаблено.

Когда понимаешь, что всё это не сон, и Нина Васильевна на самом деле копошится внизу, поглаживая твой живот ладонями, твоё тело опять напрягается. Невольно.

Новая волна смущения охватывает тебя.

Ты опускаешь руки вниз, к причинному месту, прикрываешь всё, что может позволить площадь ладоней, и отворачиваешься в сторону.

Нина Васильевна лежит у твоих ног и гладит тебя по обнажённому юношескому бедру. По синей куриной ножке на прилавке магазина...

На ней самой – лишь юбка, чулки и бюстгальтер. Даже очки отложены в сторону.

Через непреодолимую стену юношеского смущения ты чувствуешь на себе взгляд её холодных глаз.

Обычно холодных, но не сейчас...

Ты слышишь её тихое сбитое дыхание.

Как после пробежки.

Ты ощущаешь правой ногой частое биение её сердце.

Как после финиша.

Нина Васильевна лежит у твоих ног, гладит тебя по обнажённому бедру и смотрит тебе в затылок. А ты, пятнадцати-

летний салага, лежишь в позе эмбриона. Твои руки зажаты меж ног. Расширенные глаза пялятся на дверцу коричневого шифоньера в метре от кровати.

Твои ладони между ног... Под ними отчётливо ощущается что-то липкое...

– Стебунов, – произносит Нина Васильевна... Произносит почти шёпотом. Так тихо и медленно, словно боясь спугнуть какого-то маленького зверька.

И где-то на периферии сознания ты замечаешь, что её голос теряет былую властность. Он немного дрожит. Еле заметно.

Её рука нежно гладит тебя по бедру и слегка заползает на живот под твоими руками.

– Стебунов, – произносит Нина Васильевна, глядя тебе в затылок, – читайте Байрона...

* * *

После уроков идёшь домой. Ешь, что приготовила мать предыдущим вечером.

Холодные котлеты, застывшие в жиру чебуреки или гороховый суп с сухарями.

И потом ложишься спать. Около трёх часов дня.

По идее, тебе надо выполнять домашние задания к завтрашнему дню, но ты не можешь. Каждый божий день к окончанию последнего урока твоя голова начинает болеть.

Причём, сильно.

То ли нехватка какого витамина, то ли минерала в твоём юношеском организме, но всего пять часов за школьной партой, и твоя голова раскалывается, как переспевший арбуз.

Твою головную боль можно определить даже по лицу: кожа под глазами у тебя темнеет, а иногда настолько, что это можно принять за синяк. Мать уже научилась по этому признаку определять твоё самочувствие – видит ввалившиеся глаза с потемневшими мешками и сразу спрашивает про голову.

И так каждый день.

Приходишь домой, ешь, выпиваешь уже привычную дозу аспирина и заваливаешься спать. После сна хотя бы в час, а лучше, два, боль, как правило, улетучивается.

Просыпаешься. На часах уже почти пять вечера. Примерно через полчаса с работы придёт отец – токарь на Уральском Заводе Тяжёлого Машиностроения.

Серый, как его дюраль.

Но только без благородного отблеска свежей шлифовки. Просто серый.

Худенький, щупленький, как цыплёнок табака. Максимум, о чём он может говорить дома, это его работа. Вернее, его рабочий коллектив.

Тот опять без спроса взял у него сигарету. Тот попросил принести тяжёлую деталь и не сказал спасибо...

Он вечно плачется, твой отец.

Иногда бывает, ты смотришь на него, и тебе отчётливо видится, как его били в поселковой школе. Били много. Без продыха.

Топтали его очки в пыли и плевали на темечко. А он лишь стоял на коленях и со слезами на глазах размазывал сопли по раскрасневшемуся лицу.

Чтобы не быть застигнутым врасплох расспросами отца, быстро встаёшь, умываешь лицо под краном, обуваешься и выходишь из дома. Сейчас тебе опять надо идти к школе. А потом за Ниной Васильевной опять плестись до её дома, где...

К себе домой ты вернёшься только часа через четыре или даже пять. Войдёшь, ответишь на вопрос матери "Где был?" – «Гулял» и почти сразу снова завалишься спать, ощущая себя уставшим и униженным. Оскорблённым и оплётанным.

И после первого такого раза твоя жизнь понеслась примерно по следующему сценарию:

Утром в школу. После уроков – быстро домой.

Ешь: бутерброды и сладкий чай.

Спишь два часа. Возвращаешься к школе, встречаешь Нину Васильевну...

Она надувает одну из тех резинок, которые ты поначалу принял за большие аскорбинки. Проверяет их на герметичность... Так каждый раз. В те времена производству доверять не приходилось. Пахнет резиной.

Поздно вечером приходишь домой. Ложишься спать...

Утром в школу. После уроков – быстро домой.

Ешь: вчерашний борщ и сладкий чай.

Спишь полтора часа. Возвращаешься к школе...

Одна «аскорбинка» пропускает воздух. Нина Васильевна достаёт вторую и надувает...

Пахнет резиной.

Поздно вечером приходишь домой. Ложишься спать...

Утром в школу и так далее...

Ты не ходишь в секцию самбо.

Ты не ходишь к репетитору по алгебре.

Ты не берёшь частных уроков игры на скрипке.

Но всё-таки распорядок твоего дня можно назвать сумасшедшим.

Для флегматичного девятиклассника он именно сумасшедший. Иначе не скажешь.

Уж лучше бы ты отрабатывал бросок через бедро. Уж лучше бы ты зубрил формулы. Уж лучше бы ты разучивал какое-нибудь малое арпеджио.

А так ты просто ежедневно ходишь туда, где тебя насилюют. Просто и незамысловато.

Ты ходишь к Нине Васильевне так часто, что она даже даёт тебе ключи от своей квартиры. Она иногда не всегда успевает вовремя и говорит тебе, чтобы ты сразу шёл к ней домой и был там во столько-то.

Приходишь к ней домой и в одиночестве бродишь по

квартире и неуверенно её осматриваешь. Ты настолько робок, что даже не осмеливаешься заглянуть в трельяж. Ты не осмеливаешься рыться в её платяном шкафу. Любой другой подросток на твоём месте уже давно бы всё исшарил. Но только не ты.

Ты просто ходишь по квартире и осматриваешь всё, что лежит снаружи. Всякая ерунда. Для пятнадцатилетнего подростка именно ерунда.

Бродишь по квартире, а потом приходит Нина Васильевна. И тогда всё продолжается по прежнему сценарию...

Очередная резиновая «аскорбинка» пропускает воздух. Вместо неё надувается другая...

Пахнет резиной.

Поздно вечером приходишь домой. Ложишься спать...

Утром в школу. После уроков – быстро домой.

Ешь: гороховый суп с сухарями. Чай кончился. Чая нет.

Спишь два часа. Возвращаешься к школе, встречаешь Нину Васильевну...

Она проверяет очередную «аскорбинку» на герметичность. Пахнет резиной.

Ты так и не понимал тогда, для чего точно нужны презервативы. Полагал лишь, чтобы не мараться...

Поздно вечером приходишь домой. Ложишься спать...

Утром в школу и так далее...

Иногда тебе запоминаются некоторые перемены, когда Коля Смиренко у окна опять спокойно рассказывает что-ни-

будь интересное.

У соседнего окна в коридоре он говорит твоим одноклассникам: буква «Э» в русском языке обязана своим появлением в том числе и одному матерному слову. Слову «ебать». Раньше оно звучал как «ети». Отсюда и известное всем выражение "Ети твою мать". Просто сейчас немногие знают, что это то же самое, что и современная фраза "Ёб твою мать".

Он говорит: это было сделано ещё при Петре Первом. Для улучшения европеизации в русский язык ввели букву «Э», чтобы лучше передавать звуки иностранной речи. И при этом же заодно изменили и написание, и произношение местоимений «эти», "этот", «эта», "этим" ...

Коля говорит: раньше все они писались через букву «Е» и произносились так же. А поменяли написание этих местоимений с той целью, чтобы при прочтении избежать самой возможности того, что местоимение «ети» было бы произнесено неверно, с ударением на букву «И». Тогда бы получился глагол «ети», то есть «ебать». Именно поэтому в местоимении и поменяли букву «Е» на «Э», чтобы не возникало путаницы.

Он говорит: косвенно в этом можно убедиться, заглянув в любой словарь – там все слова с буквой «Э» имеют иностранное происхождение, за исключением местоимений «это», "этот", «эти» и остальные из этого ряда, включая и нескольких междометий типа «эх», "эге!" и "эй".

Порой эти монологи Коли Смиренко, это самое занима-

тельное, что ты узнаёшь за весь учебный день.

А после уроков снова быстро домой.

Снова ешь: бутерброды с колбасой. Чай кончился. Чая нет.

Спишь два часа. Возвращаешься к школе, встречаешь Ни-ну Васильевну...

Надуваешь презервативы уже сам.

Поздно вечером приходишь домой. Ложишься спать...

И вся эта чехарда продолжается не одну неделю.

И, естественно, всё это начинает сказываться на твоей успеваемости в школе. Ты систематически не выполняешь домашние задания.

Только один ты знаешь, почему. Но сказать этого учителям ты просто не можешь.

Твой дневник начинает пестрить записями "Нет д/з", "Нет д/з", "Нет д/з".

И везде «2», "2", "2"...

Через две недели появляются и первые записи а-ля "Уважаемые родители, обратите внимание на успеваемость Вашего сына".

Это пишет твоя классная руководительница – старая кар-тавая учительница физики.

Та самая, которая на одном из уроков берёт в руки эбонитовую палочку и принимается натирать её шерстяной тряпчочкой. Держит палочку в левой руке, сжатой в кулак, обхватывает её той рукой, в которой зажат шерстяной лоскут,

и начинает водить туда-сюда.

Туда-сюда...

Снизу-вверх. Снизу-вверх.

Это она так пытается наглядно продемонстрировать действие статического электричества.

Туда-сюда...

Она водит зажатым в кулак шерстяным куском по эбонитовой палочке. Водит всё быстрее.

Вниз вверх...

Наивная старушка...

Она усердно натирает свою палочку и понять не может, почему её класс ухохатывается.

Если сначала были отдельные смешки где-то на задних партах, то спустя полминуты интенсивного трения со смехом еле борются и все остальные.

Вниз вверх. Вниз вверх...

Старушка трёт свою эбонитовую палочку.

Туда-сюда...

Она трёт, а сама смотрит на класс и не может понять, почему все то и дело прыскают со смеху.

Невольно, но она тоже начинает улыбаться, ваша старая учительница физики. Родилась не в то время.

Видимо, она полагает, что натирание палочки просто выглядит забавно, потому все и смеются. Забавно, но не более того.

Она стоит, трёт эбонитовую палочку куском шерстяной

материи и растерянно улыбается своему классу в ответ.

Ты смотришь на всю эту картину и в один миг осознаёшь всю свою серость.

Как озарение. В один миг.

На месте этой старушки запросто мог оказаться ты сам. Стоял бы, тёр эбонитовую палочку куском шерсти, глупо озирался по сторонам, а весь класс ржал бы над тобой. Коля Смиренко показывал бы на тебя пальцем и говорил своим друзьям: "throttle the one eye snake"...

И в этот самый момент ты с такой ясностью осознаёшь всю свою серость, что твоё настроение падает в такие низы, откуда вынуть его сможет только чудо.

Ты и ваша старушка-физичка... Ваша классная руководительница, которая уже несколько дней безуспешно испещряет твой дневник красными надписями, призывая твоих родителей придти в школу...

Вы, как две капли воды, похожи друг на друга. Одного поля ягоды.

Она родилась слишком рано, ты – родился слишком не в той семье...

Ваши представления о мире так безнадежно устарели и изобилуют столь огромными пробелами, что совсем уже не отражают действительности.

Вы, как два яблока, упавшие с обоза и теперь валяющиеся в дорожной пыли.

Ваша старушка-физичка дронит перед всем классом эбо-

нитовую палочку и не понимает, почему все кругом смеются.

Пока все кругом пошло ухохатываются, ты смотришь на одну из парт у окон. На Машу Брауберг. И ты видишь, что она тоже смеётся. Над этим чёртовым представлением она ухохатывается вместе со всем остальным классом.

Ты смотришь на неё, и что-то обрывается у тебя внутри. Её лучезарная улыбка и искренний смех... Они всё испортили.

Она не должна была смеяться в этот момент. Ни в коем случае не должна была.

Эта четырнадцатилетняя девочка не должна была знать, что такое «дрочить». Но она знает. Искренний смех выдаёт её.

Он выдаёт весь класс. Всю эту свору четырнадцати и пятнадцатилетних салаг.

Один лишь ты, наверное, узнал, что значит это слово на практике всего месяц назад. Благодаря Нине Васильевне Силантьевой, твоей учительницы литературы и русского языка.

Смотришь на смеющуюся Машу Брауберг и ощущаешь сильное разочарование. Ты чувствуешь себя обманутым. Твои ожидания не оправдались.

Опять смотришь в сторону доски: старушка всё ещё трёт свою палочку чуть ли не под общий гвалт аплодисментов.

Но вот оплётанным ты ощущаешь почему-то именно себя.

После урока классная руководительница подзывает тебя и спрашивает, почему родители не спешат в школу? Ты врёшь,

что они пока не могут. Врёшь, что они пока очень заняты.

Ты добавляешь, что на следующей неделе все свои оценки исправишь.

Ты говоришь это, а сам уже примерно представляешь, как будешь осуществлять план повышения собственной успеваемости.

Этот план созрел, когда ты в очередной раз залезаешь в кухонный шкаф в поисках аспирина. Роешься в ворохе всяких – амов, – инов и – онов, и тут возникает этот план.

План сложный, но возможный.

6

В тот памятный вечер всё проходит примерно по задуманному сценарию.

После распития чая Нина Васильевна опрокидывает в себя положенную рюмку водки из заветной бутылки на дверце холодильника. Потом вы оба идёте в комнату, где она опять стягивает с тебя одежду, укладывает на кровать, ласкает твои гениталии руками и губами. Затем вы оба берёте по презервативу и надуваете, проверяя герметичность. Другого метода в те времена не было.

Оказалось, что презервативы армавирского производства частенько бывали с непредусмотренной заводской перфорацией.

Впрочем, баковские были ничуть не лучше.

Кстати, ты уже всё знаешь о том, откуда берутся дети. Ты знаешь, что такое сперматозоиды и эякуляция.

Близкое общение с Ниной Васильевной сподвигло тебя сходить в библиотеку и почитать некоторые параграфы учебника биологии для старших классов.

Следовательно, ты уже догадываешься и о том, зачем нужны презервативы

Когда вы оба всё же находите искомое, Нина Васильевна садится на тебя сверху.

Она совершает на тебе плавные приседания и при этом де-

кламирует Северянина. Она почти шепчет с закрытыми глазами:

Это было у моря, где ажурная пена, Где встречается редко городской экипаж... Немножко сбивается, переводит дыхание и продолжает:

Королева играла – в башне замка – Шопена, И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Нина Васильевна в полуприсяде плавно двигается над тобой, а ты просто лежишь на спине и смотришь в потолок с пожелтевшей известью.

Она читает:

Было все очень просто, было все очень мило: Королева просила перерезать гранат, И дала половину, и пажа истомила, И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

Всё это тебя уже нисколько не шокирует. Всё это тебе уже привычно.

Если бы ты тогда уже умел курить, то вполне мог бы в этот самый момент лежать и курить «Приму», глядя на потолок и размышляя.

Нина Васильевна поднимается и опускается на тебе и читает свои стихи, а ты смотришь в потолок и думаешь...

Она читает:

А потом отдавалась, отдавалась грозово, До восхода рабыней проспала госпожа... Это было у моря, где волна бирюзова, Где ажурная пена и соната пажа.

Нина Васильевна слезает с тебя и ложится рядом на спи-

ну. Она приобнимает тебя и тянет к себе. Она призывает тебя лечь на неё сверху.

Ты повинуюешься всем её жестам и раскорячиваешься над ней. Ощущаешь, как она сама вставляет что и куда нужно, и начинаешь двигаться.

– Данте, – говорит она тебе, тяжело дыша.

И ты принимаешься сопровождать свои телодвижения строками из "Божественной комедии". Сбивчиво, неровно...

Но в таких обстоятельствах и Цицерон бы плохо справлялся.

Из сонма тех, кто меж добром и злом, Я женщиной был призван столь прекрасной... Что обязался ей служить во всём. Был взор её звезде подобен ясной...

Делаешь паузу. Переставляешь руки, чтобы удобнее было упираться в кровать.

Её рассказ струился не спеша, Как ангельские речи, сладкогласный...

Всё это действие продолжается ещё минут пятнадцать – со сменой позиций и с переходами с Данте на Байрона, и с Есенина на Северянина...

Вы читаете по очереди. Сначала она, потом ты. Потом она, потом опять ты.

Те давние весенние уроки литературы, они пошли тебе на пользу. Объективно пошли.

Ты хоть более-менее научился говорить.

И немного даже двигаться.

Вы оба уже просто лежите рядом. Нина Васильевна смотрит в потолок. Ты, скрестив ладони на своих гениталиях и уткнувшись подбородком в собственную же левую ключицу, пустыми глазами пялишься на край кровати.

Тогда-то и наступает нужный момент.

Она, голая, поднимается и, ничем не прикрываясь, выходит из комнаты.

Слышится хлопок закрывшейся в ванной двери и клацанье щеколды.

Ты напрягаешься. Ты слышишь звук льющейся в душе воды.

И вот тогда ты, дрожа от страха, выбираешься из постели и на цыпочках подходишь к своей болоньевой куртке, висящей в прихожей. Ты протягиваешь к ней руки, а твоё сердце долбится в сумасшедшем ритме.

Дверь в ванную всего в метре от тебя. Оттуда доносится шум льющейся воды.

Запускаешь руку в правый карман. На лбу выступает мелкая испарина.

В правом кармане пусто. Значит, в левом.

Вода всё шумит.

Суёшь руку в левый карман – вот оно.

Сердце всё набирает обороты. Ты потеешь сильнее, чем десять минут назад в самый разгар постельных действий.

Вынимаешь из кармана и подносишь к глазам продолговатую упаковку из картона.

"Ноксирон" написано на ней.

Снотворное, которое ты тайком выудил из закромов своей матери. Уйма белых таблеток.

Вода в душе всё стучит градом капель по керамике.

Ты затаиваешь дыхание и украдкой шагаешь на кухню – прямо мимо двери в ванную.

Под твоими ногами не скрипящий ссохшийся паркет, а протёртый до взлохмаченных дыр линолеум. Он уложен прямо поверх бетона. Так что никакого скрипа половиц.

На кухне подходишь к раковине. Холодная испарина блестит на твоём прыщавом лбу.

Подставляешь под тихую струю холодной воды фарфоровый стакан с тёмно-зелёными узорами.

Ты закрываешь кран, держишь стакан с водой в дрожащей руке и прислушиваешься: вода в душе всё шумит.

Затем ты второпях распечатываешь упаковку ноксирона и выдавливаешь из блистера две таблетки. Бросаешь их в стакан с водой.

Ты не знаешь, сколько таблеток пьёт твоя мать в дни бессонницы. Да и аннотацию из упаковки она уже, видать, выбросила. Там пусто – только два блистера, один из которых уже наполовину пуст.

Тогда ты для надёжности дрожащими руками выдавливаешь ещё две таблетки и бросаешь в стакан.

Вода в душе всё шумит, но и твоё сердце тоже по-прежнему бешено долбится.

Ты стоишь абсолютно голый на кухне у разделочного столика, смотришь в стакан с водой, и тебя вдруг охватывает ещё большее беспокойство.

Четыре белые таблетки спокойно лежат на дне стакана. Через прозрачную воду видно, как они просто лежат.

Они не растворяются.

Совсем.

В тот момент твои юношеские виски вполне могли стать седыми.

Судорожно соображая, хватаешь чайную ложку со стола и принимаешься толочь злосчастные таблетки на дне стакана.

Вода в душе всё стучит по керамике.

Давишь таблетки ложкой, но видишь, что образующийся порошок всё так же спокойно лежит на дне стакана.

Ты прекращаешь своё занятие и замираешь с открытым ртом. Твои расширенные глаза пялятся на стакан.

Сердце долбит, как сумасшедшее. Бешеной дробью.

В этот момент твоя макушка и брови тоже вполне могли стать седыми.

Но вдруг ты вспоминаешь... В одно мгновение... Неожиданно, как гром среди ясного неба.

Вспоминаешь уроки химии и вашего молодого преподавателя – практиканта педагогического ВУЗа.

Ты прямо видишь движения его губ и отчётливо слышишь слова:

Есть вещества, которые растворяются в воде. И есть

вещества, которые в воде не растворяются, но растворяются в спирте. И есть такой универсальный растворитель, как водка. Она почти в равной пропорции состоит из спирта и воды. Поэтому в водке растворяется всё...

Ты мигом отворяешь дверцу холодильника и вынимаешь оттуда початую бутылку водки. В ней ещё остаётся половина. *Вода в душе прекращает шуметь.*

На мгновение замираешь с выпученными глазами, пересохшей глоткой и колошматящим сердцем. Кровь долбит по барабанным перепонкам.

Слышишь, как с батареи в ванной стягивается махровое полотенце.

В этот момент твои ресницы и волоски в носу тоже вполне могли стать седыми.

Твои дрожащие пальцы вмиг выдавливают из блистера ещё пять таблеток ноксирона и быстро отвинчивают крышку с бутылки.

Сердце бьётся, как бешенная барабанная дробь.

Такого стресса ты не испытывал никогда за всю свою ещё недолгую жизнь.

Ссыпаешь с дрожащей ладони все пять таблеток снотворного в оставшуюся в бутылке водку.

На миллисекунду замираешь. Затем выдавливаешь из блистера ещё три таблетки. Бросаешь их в бутылку. Крышку закручиваешь обратно, и бутылка почти закидывается в дверцу холодильника.

В тот самый момент, когда магниты в дверце с хлопком присасываются друг к другу, звеня стеклотарой, щёлкает замок в ванной, и дверь открывается.

Ты резко бросаешь упаковку ноксирона и почти пустой блистер на пол и ногой запинываешь его под газовую плиту.

Слышно, как тапочки идут на кухню. Ещё три шага и...

Хватаешь со столика стакан с водой и не растворившимся ноксироновым порошком и выплёскиваешь всё в раковину.

Нина Васильевна стоит в двух метрах от тебя в одной ночнушке.

Её холодные глаза без очков буравят тебя насквозь. А ты стоишь перед ней абсолютно весь голый, дрожащий, с бешено колотящимся от страха сердцем и скрещенными над паховой областью руками. На пальце одной из них болтается пустой стакан с тёмно-зелёными узорами, из которого на пол капаят остатки воды.

* * *

На следующее утро ты боишься идти в школу. И всё потому, что ты так и не знаешь, растворились ли таблетки в водке.

Вдруг Нина Васильевна открыла холодильник, глянула и увидела, что в её водке лежат восемь так и не растворившихся белых таблеток? Одна лишь мысль об этом нагоняла на тебя страх.

В школу ты идёшь сам не свой. Твоё лицо, наверное, отлично выдаёт все твои переживания. Это подтверждается на одной из перемен. Саня Иванов – невысокий светловолосый пацан мажористого вида – достаёт из портфеля какую-то странную штуковину. Ты такую видел только по телевизору. Да и то только тогда, когда показывали какую-нибудь заграницу...

Это видеокамера. JVC GR-C1.

Одна из первых в мире видеокамер формата VHS-C. Маленькая видеокамера с маленькой кассетой.

Отец Сани привёз её из недавней поездки в ФРГ. Дорогая и очень редкая штуковина. Как Сане удалось приволочь эту штуку в школу – без ведома отца или нет – тебе так и не ясно, но одноклассники облепляют его со всех сторон и с разинутыми ртами просят показать, как это работает. Для молодёжи тех лет настоящая видеокамера – это как взрыв сверхновой.

Тебе и самому безумно интересно. Но ты сидишь, прижав жопу, и тупо пялишься в учебник.

А Саня довольно смотрит на всех через видоискатель и откалывает разные остроты.

"Марина, ты сегодня будешь у нас Сильвия Кристель! Пошли зрителям воздушный поцелуй". "Коля! А ты – Марлон Брандо!" "Поцелуйтесь на память!" "Лена! А ты у нас Бельмондо!"

Саня громко смеётся в видоискатель, пока Лена Ткачёва

обиженно отворачивается от камеры.

В какой-то момент Иванов подходит и к тебе, сидящему за партой.

Он спрашивает: а чего это у нас Стебунов такой смурной сегодня?

Окуляр видеокамеры перемещается у твоего лица на расстоянии вытянутой руки. Весь класс ошивается рядом, наблюдая за диковинкой. Все шумят, говорят о ней.

Иванов говорит: никак Стебунов сегодня опять не сделал домашнее задание?

Камера плавает у твоего носа.

Иванов говорит: а ну-ка скажи "Бу!"

Ты же молча смотришь в парту. Никак не реагируешь.

Ты думаешь только о том, заметила ли Нина Васильевна таблетки в бутылке.

Ты думаешь только о том, что через два урока будет литература.

Но после занятия Нина Васильевна говорит тебе уже знакомое "В семь вечера будьте сразу у меня дома. Мне нужно зайти ещё кое-куда".

Значит, миновало. Но растворились ли таблетки, или же Нина Васильевна просто не заглядывала в бутылку? Это так и не ясно.

Чтобы всё расставить на свои места, ты прямо после уроков сразу идёшь домой к Нине Васильевне. Пока она ещё ведёт уроки у второй смены, ты решаешь заглянуть в её холо-

дильник.

Обычно проезд на автобусе тебе оплачивала сама Нина Васильевна, потому что родители давали тебе деньги лишь на булочку с повидлом. Ведь у тебя не было никаких потребностей и интересов – зачем тебе деньги?

Поскольку твоей учительницы нет рядом, то приходится идти до её дома пешком. Это минут сорок ходьбы.

Голова у тебя уже начинает болеть, глаза вваливаются, кожа вокруг них становится тёмной. Ты не без опасений проворачиваешь ключ в двери, обитой обшарпанным дерматином. Бояться объективно нечего, но страх всё равно есть. Ты ещё слишком молод, чтобы не бояться невесть чего.

В квартире, конечно же, никого нет. Открываешь холодильник и вынимаешь бутылку водки.

Никаких таблеток.

Ни одного белого колёсика.

Всё растворилось. Только еле заметный порошковый остаток на дне.

На душе легчает, и ты ставишь бутылку обратно.

Осталось лишь дожидаться вечера. Семи часов.

И ты бежишь домой, чтобы успеть поесть, немного поспать и снова идти сюда.

Вечером в положенное время ты опять здесь. Нина Васильевна подходит чуть позже. Она приносит с собой целый пакет всякой снеди из магазина. Убирает в холодильник колбасу, сгущёнку, достаёт конфеты "морской камушек" и вы-

сыпает их в вазочку.

Затем она ставит чайник на плиту и подходит к холодильнику.

Ты весь напряжён. Почти как в первый раз здесь же. Но теперь причина другая.

Нина Васильевна открывает дверцу и вынимает бутылку водки.

Внутри тебя всё замирает.

Она подходит к столу и наливает себе водки на несколько глотков. Прямо в стакан для чая.

Твоё сердце стучит медленнее. Всё медленнее и медленнее.

Нина Васильевна смотрит мимо тебя в стену и делает несколько давящихся глотков. Так пьёт женщина, которая пить не умеет. Пьёт нехотя. Как будто бы кто-то заставляет.

Затем она ставит стакан на стол и идёт в душ. Следите за чайником, говорит она тебе.

Ты сидишь ждёшь, когда чайник засвистит, а сам будто окаменевший.

Внутри тебя всё молчит и не движется. Ни сердце не стучит, ни кровь не бежит по жилам.

Ты словно зависаешь в воздухе. Даже ноги перестаёшь чувствовать.

Пока вода в душе шумит, свистит и чайник. Ты отключаешь его и садишься на место. Ты ждёшь, пока Нина Васильевна выйдёт, и вы, как обычно, попьёте чай с конфетами.

Ждёшь пять минут. Вода в душе всё шумит.

Ждёшь восемь минут. Вода в душе всё шумит.

Ты встаёшь и сам наливаешь два стакана чая. Садисься и ждёшь дальше.

Вода в душе всё шумит.

Ты начинаешь пить чай в одиночку. Заедаешь его конфетами.

Когда ещё через пять минут твой стакан уже пуст, а вода в душе всё шумит, тебя охватывает лёгкое беспокойство.

Нина Васильевна там уже почти полчаса. Так долго она душ никогда не принимала.

Подходишь украдкой к двери в ванную и прислушиваешься. Только слышно, как по керамике стучит град капель, да шумит кран. Ничего больше.

Возвращаешься на кухню и наливаешь себе второй стакан чая, который уже успел слегка остыть. Чай, налитый в стакан Нины Васильевны ещё двадцать минут назад, уже и подавно остыл.

Грызёшь "морской камушек" и прислушиваешься к звукам в ванной.

Только шум воды.

Запиваешь конфеты чаем и прислушиваешься – только шум воды.

Когда допит и второй стакан чая, ты понимаешь, что так дело оставлять нельзя. Надо что-то делать.

Тыходишь к двери в ванную и прислоняешься к ней

ухом. Слышен только шум воды и крана.

В общей сложности Нина Васильевна провела там уже чуть более сорока минут.

Это не может быть простым совпадением. Несколько глотков водки со снотворным и столь длительное пребывание в душе – это явно не совпадение.

Ты робко подносишь кулак к двери. Ты хочешь постучать костяшками пальцев.

Ты не решаешься.

Всё-таки стучишь. Тихо и всего два раза.

В душе слышна лишь льющаяся вода. Никаких дополнительных звуков не появляется.

Стучишь ещё три раза, и уже сильнее.

В ответ опять лишь шум воды.

И ты действительно начинаешь волноваться.

* * *

Нина Васильевна в неестественной позе лежит прямо под градом капель душа. Лежит в своей керамической ванне со следами жёлтых подтёков на стенках.

Нина Васильевна совершенно голая. Она лежит так, словно её убили.

Душ заливает её сильным напором горячей воды.

Ты ломаешь хлипкую щеколду на двери со второго удара ноги. Теперь ты стоишь у ванны и взволнованно смотришь

на свою учительницу.

Она спит. Или умерла. Ты точно не знаешь.

Выключаешь душ и трогаешь шею Нины Васильевны. Пульс есть.

Тогда с сушилки на батарее ты стягиваешь махровое полотенце и смотришь, как можно нормально подступиться к мокрому телу, лежащему в ванне.

Хоть ты и вешишь уже пятьдесят пять килограммов, но отнести Нину Васильевну в комнату тебе всё равно трудно.

Да и молодой ты ещё очень, чтобы таскать баб весом в твой собственный.

Ты, сильно пыхтя, достаёшь голое тело из ванны и опускаешь его на пол. Наспех обтираешь его полотенцем. Ну а затем просто тащишь голое тело за собой по полу, наблюдая, как пятки Нины Васильевны волочатся по протёртому линолеуму.

С трудом тащишь тело до дверей в комнату, кладёшь его на пол и переводишь дух. Сверху смотришь на голую учительницу литературы – на её грудь, бёдра, волосатый треугольник под пупком...

Зато теперь ты смело сможешь нарисовать голую женщину, думаешь ты.

В горле от волнения всего за десять минут успевают пересохнуть.

Ты опять идёшь на кухню и берёшь со стола стакан с остывшим чаем, который минут сорок назад наливал Нине

Васильевне. Делаешь несколько глотков чая, сдерживая своё тяжёлое дыхание, и смотришь в прихожую, где видны две торчащие из комнаты ноги...

Закидываешь в рот горсть "морского камушка" и запиваешь чаем.

Трудный выдался денёк. Трудный и странный.

Хотя тебя уже трудно чем-то удивить или напугать.

В один большой глоток допиваешь холодный чай и возвращаешься к телу Нины Васильевны.

Когда она уже лежит в своей кровати, ты опять переводишь дух и возвращаешься в ванную за её ночнушкой. А потом ты одеваешь её, лежащую на животе...

Сначала напяливаешь на неё её белые трусы: вытягиваешь одну её ногу, просовываешь в трусы, затем то же проделываешь со второй ногой... Потом натягиваешь трусы до бёдер.

Ночнушку надеть оказывается проще.

Уже не обращая внимания на сильно бьющееся от волнения и активных движений сердце, ты накрываешь Нину Васильевну одеялом и ещё раз трогаешь её шею – пульс есть.

Значит, живая.

Значит, просто спит.

Как и положено.

После того, как моешь посуду на кухне, ты собираешься и идёшь домой.

В тот вечер ты возвращаешься почти на два часа раньше обычного. Даже мать спрашивает "А что так рано сегодня?".

У тебя даже ещё есть время для домашнего задания. Но в голове такая суматоха, что ты просто тупо пялишься в учебник.

Что будет завтра? Придёт ли Нина Васильевна в школу? И если придёт, то какие вопросы будет задавать тебе?

За такими раздумьями ты и засыпаешь над учебником.

Твоя жена говорит, в Екатеринбурге очень много мест, где ошиваются эксгибиционисты.

Обычные места их появлений – парки. Там их водится в избытке.

Откуда твоя жена это знает?

Она сексолог. Вернее, одна из помощников сексолога. К ним приходят люди с различными психическими нарушениями в сексуальной сфере.

Большинство клиентов – женщины. Но это не значит, что у мужчин в этой сфере проблем не бывает. Просто мужчины более закрыты. Они предпочитают бороться со своими проблемами сами. Но чаще всего они предпочитают не бороться вовсе.

Иногда твоя жена нарушает врачебную этику и рассказывает некоторые случаи из своей практики.

О том, как в дендропарке на пересечении улиц Мира и Первомайская мужик выскакивает из кустов перед гуляющими девушками, распахивает полы плаща и демонстрирует свои причиндалы. Не хотите потрогать, спрашивает он?

В том же дендропарке мужик за кустами подкрадывается к сидящим на лавочке совсем ещё маленьким девочкам и начинает дрочить, глада на них со спины.

Когда девочки его замечают и порываются в шоке уйти,

мужик говорит им горячим шёпотом: девчонки, я вам заплачу, только посмотрите, как я это делаю.

В этом дендропарке – перекрёсток улиц Мира и Первомайской – полно такой нечисти.

Девушка прогуливается по центру города. Она сдала экзамен в ВУЗ и идёт счастливая и задумчивая. Смотрит на небо и сама себе улыбается. Мимо спешат десятки людей – все по своим делам.

Вдруг очередной мужчина, идущий навстречу, говорит ей быстро что-то типа "Какая Вы красивая, девушка".

Она плывёт в эйфории. Она только кивает ему, улыбается и говорит "спасибо".

Она делает ещё несколько шагов и понимает, что он ей сказал на самом деле. Она оборачивается и смотрит ошале-ло ему вслед. Нормальный такой мужик, идущий дальше по своим делам. В рубашке, брюках и с кейсом в руке...

А сказал он ей: какая Вы красивая, девушка. Можно я Вам клитор полижу?

И такая фигня сплошь и рядом.

В любом городе так...

Зелёная роща – большой парк в районе общежития Горной Академии и Дворца Спорта... В начале и середине 90-х это было излюбленное место встречи городских гомосексуалистов.

В те времена в газетах типа "Ярмарки желаний" можно было встретить уйму объявлений примерно такого содержа-

ния: *мужчина ищет мужчину. Чистоплотный. Без в/п...*

И так далее...

И многие из них встречались в Зелёной роще. Кодовым знаком при встрече зачастую была какая-нибудь газета подмышкой: «АиФ», "4 канал + всё ТВ" или та же самая "Ярмарка желаний"...

Многочисленные извилисты тропинки этого парка были отличным местом тайных встреч "партнёров".

Уже из твоего личного опыта: в 92-ом году ты идёшь через Зелёную рощу в спортивный корпус Горной Академии...

Ты идёшь, не торопясь. Куришь.

При тебе в те беспокойные годы постоянно был газовый пистолет «Удар» – на всякий случай.

Ты идёшь по одной из тропинок парка, и вдруг со скамейки перед тобой встаёт хлипкий мужичонка в стареньких джинсах и кофте. Он тихим голосом обращается к тебе: извините, у Вас не будет закурить?

Ты приостанавливаешься и протягиваешь незнакомцу сигарету из пачки.

Да нет, смущённо улыбается тот. Мне бы покурить...

Так вот же, говоришь ты в недоумении и протягиваешь сигарету ещё дальше.

Да нет, говорит мужичок и ещё больше смущается. Мне бы покурить, говорит он.

Ты растерянно пялишься на странного типа, а он открывает свой рот пошире и подносит к нему указательный палец.

Покурить, повторяет он и указывает пальцем на свой распахнутый в ожидании рот.

Твою мать, произвольно выдыхаешь ты.

Твоё лицо – гримаса отвращения.

Ты и сам не успеваешь заметить, как твоя рука достаёт с пояса «Удар» и выпускает прямо в рожу незнакомца две упругие газовые струи...

Мужичонка с дикими воплями бросается в кусты...

Кругом полно извращений и извращенцев. Послушать твою жену, так нормальных людей вообще не существует.

Но разве можешь ты с ней спорить?

Ты, мужик, который от вида голого женского тела не может должным образом возбудиться?

Тебе обязательно нужно декламировать что-нибудь из Рождественского или Бродского. Иначе между ног будет лишь висеть...

Каждый раз, когда жена рассказывает какой-нибудь новый случай про эксгибиционистов или других извращенцев, ты вспоминаешь Нину Васильевну.

Твою учительницу литературы...

И жена об этом знает. Она всё о тебе знает. Но не потому, что она хороший психолог, а потому, что ты сам однажды всё ей рассказал.

А психолог она так себе...

Никудышная.

О половом воспитании вашего подрастающего сына она

не очень-то задумывается.

Ваш сын – такой же молчаливый, как и ты в своём странном детстве. Он такой же зажатый, как и ты в его годы.

Такой же серый...

* * *

Урок русского языка у тебя только завтра. Так что на следующее утро ты по обыкновению стоишь на одной из перемен у окна в коридоре, слушаешь какой-то очередной бред от Гриши Соловья и ждёшь, когда тебя здесь найдёт Нина Васильевна.

Ты ждёшь одну перемену, ты ждёшь другую. Ты ждёшь третью, но она всё не идёт.

Ты начинаешь даже беспокоиться, а не случилось ли чего за минувшую ночь? Может, её сердце всё-таки остановилось, и она сейчас лежит бездыханная в своей двухместной кровати?

Чтобы разогнать гнетущие сомнения, ты сам идёшь на первый этаж к кабинету номер «5». Это кабинет русского языка и литературы.

Это её кабинет.

Ещё из коридора ты видишь, что дверь кабинета открыта. Внутри есть ученики. Всё, как положено. Ты подходишь, украдкой заглядываешь и видишь Нину Васильевну. Она сидит за своим столом и листает классный журнал.

Всё, вроде бы, нормально в её виде, но уж больно она вялая, ваша учительница литературы и русского. Глаза под линзами очков уставшие.

Но она живая, а это главное.

На следующий день Нина Васильевна, как обычно, отлавливает тебя на перемене у окна на втором этаже и говорит, чтобы в семь вечера ты был у неё дома.

Когда она уходит, Саня Иванов у соседнего окна говорит громко: слушай, Стебунов, а что это она так часто общаться с тобой стала? Развивает твою культуру речи, что ли?

Ага, кивает ему Толя Тучников, проще рыбу научить петь.

И отплясывать, быстро соглашается Иванов.

Вечером ты опять у Нины Васильевны.

Вы опять сидите на кухне. Она говорит, что не помнит, почему щеколда в ванной выломана. Ты говоришь, что случайно сломал. Больше она вопросов не задаёт.

За чаем она кладёт перед тобой на стол листок. Он испи-сан её рукой.

– К завтрашнему вечеру выучите этот стих, – говорит она.

Ты смотришь на листок. "И. Бродский" написано на нём и дальше сам текст:

Теперь все чаще чувствую усталость, все реже говорю о ней теперь...

И т. д.

В этот вечер она больше ни слова не спрашивает о событиях позавчерашнего вечера. Видать, поутру она посчита-

ла, что всё было, как обычно. Просто не запомнилось почему-то...

В этот вечер она опять наливает себе в стакан из-под чая водки на несколько глотков. Она опустошает его и идёт в душ.

Через двадцать минут ты уже опять вытаскиваешь её голое тело из ванны и волочишь в комнату. Хорошо, что щекотка уже сломана.

В комнате укладываешь Нину Васильевну в расправленную кровать, одеваешь в трусы и ночнушку и уходишь домой.

Дома теперь ты успеваешь выполнять домашние задания по всем предметам.

И так продолжается добрую неделю.

Нина Васильевна делает несколько глотков водки с большим содержанием ноксирона и отключается, а ты бежишь домой делать уроки. Твоя успеваемость по многим предметам начинает исправляться.

Нина Васильевна опять засыпает, и ты бежишь домой, завихаривая чёлкой, чтобы назавтра исправить «двойку» по биологии.

За полторы недели Нина Васильевна лишь однажды заикается о том, что она почти не помнит минувшие вечера.

Из-под прямой чёлки ты смотришь в свой стакан с чаем и грызёшь россыпь "морского камушка"...

Ты ничего не знаешь.

Когда через две недели водка в бутылке заканчивается, тебе приходится два вечера подряд опять надувать армавирские презервативы и читать над распростёртой учительницей Бродского...

Потом тебе вновь удаётся улучшить момент и засыпать в новую, почти ещё полную бутылку, пятнадцать таблеток ноксирона из оставшегося блистера.

И всё поехало по старой схеме.

Опять вытаскиваешь Нину Васильевну из ванны и волочишь в комнату.

За неделю усиленной подготовки дома твоя школьная успеваемость почти полностью исправляется. Из твоего дневника пропадают все плохие оценки и тревожные призывы к родителям.

А однажды на перемене ты слышишь, как парни у окна обсуждают девочек. Один говорит, что на днях уже «завалят» какую-то красавицу из соседнего двора. Другой уже в десятый раз вспоминает, как чудно он провёл минувшее лето с распутными деревенскими девчонками.

Может, всё это и простая бравада пятнадцатилетних пацанов, тебе плевать. О сексе ты уже вряд ли чего-то не знаешь, что могли бы тебе поведать сверстники. Но вот следующая фраза, которую ты слышишь от Сани Иванова, тебя напрягает.

Он говорит: а я Брауберг оттулить хочу...

Внутри тебя после этих слов всё замирает. Ты переста-

ёшь воспринимать действительность, помимо Иванова и его дружков.

– Думаю, тебе с ней придётся повозиться, – отрицательно качает головой один из них.

– С Машкой-то? – спрашивает Коля Смиренко. – Нет, ты её без проблем... Пригласи прогуляться да и видеокамеру свою возьми. Любая девка хочет, чтобы её снимали... Это ж такой понт.

Ты стоишь и всё это слышишь. Внутри тебя разрастается что-то недоброе.

– А ты потом камеру дома у себя где-нибудь установи, но так, чтобы то, как ты её тулишь, записалось, – усмехается Толя Тучников. – А мы потом все вместе глянем...

– Да иди ты, – фыркает Иванов, а сам улыбается.

– А что? – кивает ему Коля Смиренко. – Будешь с каждого зрителя деньги за просмотр брать...

Что-то недоброе внутри тебя всё разрастается.

Тебе хочется подойти к Иванову и двинуть ему в рожу. Твои глаза из-под прямой засаленной чёлки смотрят на него с неприкрытой злобой.

Оттулить Машу Брауберг...

Твоё нутро закипает против Иванова.

Да, ты сам уже разочарован в Брауберг, но внутри тебя всё равно начинает шевелиться что-то агрессивное.

Как ни крути, а она тебе всё равно нравится.

Затаив дыхание, ты смотришь на улыбающегося Иванова.

Ты должен сам попробовать с Машей Брауберг.

Первый.

И ты попробуешь непременно.

Только надо собраться с духом.

Пока ты размышляешь, Коля Смиренко вынимает из кармана какую-то бумажку, сложенную вчетверо. Это клочок газеты. Коля разворачивает его.

Он говорит парням, что это двенадцать половых заповедей революционного пролетариата. Говорит, что их напечатали в газете, взяв из очень старой брошюры самого начала советского периода.

Коля говорит: брошюра "Революция и молодёжь". Издательство Коммунистического Университета имени Я. М. Свердлова...

Он говорит: 1924-ый год...

Парни охают.

Вот первая заповедь, улыбается Коля и читает:

"Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата".

Парни глумятся, упоминая про детей детсадовского возраста.

Вторая заповедь, говорит Смиренко:

"Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (20–25 лет)".

Так мы ещё не зрелые, возмущаются парни?

Третья заповедь:

"Половая связь – лишь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви".

Парни шутят: а там не расписано, как глубоко нужно засаживать?

Коля продолжает, улыбаясь: четвертая заповедь...

"Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих.

Коля поднимает палец вверх, призывая всех к вниманию: пятая заповедь...

"Половой акт не должен часто повторяться!"

Парни ухают и улыбаются во все рожи.

Шестая заповедь:

"Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия".

Парни ухают.

Седьмая заповедь, говорит Коля.

"Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена – один муж)".

Восьмая заповедь:

"При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения потомства – вообще помнить о потомстве".

О, кивает Коля парням, десятая заповедь интересная.

Он читает:

"Половой отбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально-полового завоевания".

На словах «флирт», "ухаживание" и «кокетство» Коля каждый раз назидательно вскидывает указательный палец вверх.

Десятая заповедь, говорит он. Его палец опять устремляется вверх.

"Не должно быть ревности!"

Одиннадцатая заповедь. Палец опять взлетает кверху.

"Не должно быть половых извращений!"

Улыбки на лицах парней до самых ушей. Настроение им поднято на несколько часов вперёд.

Двенадцатая заповедь:

"Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов: половое должно во всём подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всём его обслуживая".

Класс – это мы, что ли, спрашивает Толя Тучников и смеётся?

Вот и всё, улыбается Коля Смиренко, поднимая глаза на парней. Кто-то берёт у него клочок газеты и пожирает его глазами, а кто-то говорит: надо будет брату показать...

Ты смотришь в сторону соседнего окна и думаешь. Оказывается, всё это время Гриша Соловей тебе что-то рассказывал. Опять, наверное, что-то про рисунки окапи и гавиалов в "Почемучке"...

Парни рядом с Колей Смиренко весело обсуждают прослушанные половые заповеди. Вдруг Сани Иванов замечает, что ты неприкрыто на них пялишься.

Что, Стебунов, улыбается он, много незнакомых слов сейчас услышал?

Все парни у соседнего окна оборачиваются к тебе. Твой взгляд сразу невольно опускается в пол.

"Половой акт", "половые извращения", добавляет кто-то, откуда ему знать эти слова? Он ведь только с Соловьём и общается...

Так именно поэтому о половых извращениях он знает не понаслышке, прыскает Иванов.

Все ребята тоже начинают смеяться.

Внутри тебя опять всё закипает. Какая-то обида, которая раньше спала, хотя насмешки бывали и раньше...

Ты всё так же продолжаешь смотреть из-под своей засаленной чёлки в пол, но сам весь напрягаешься. Тебе хочется подойти к Иванову и дать ему в нос. Но ты слишком робок для этого...

Просмеявшись, Саня Иванов опять обращается к тебе.

Он говорит: Стебунов, а ты хоть когда-нибудь трогал девочку?

Ты поднимаешь глаза. Наверное, они у тебя немного злые в тот момент.

– Прикасался, – тихо, но твёрдо отвечаешь ты, глядя на Иванова исподлобья. А потом добавляешь: – Не то, что ты...

Оттулить Машу Брауберг...

– Ты чего сказал?! – Иванов в одно мгновение оказывается рядом с тобой. Его лицо багровеет.

– Э, Саня, угомонись, – одёргивает его Коля Смиренко, подходя следом.

– Ты чего сказал?! – с глазами на выкате громко шипит Иванов и сильно толкает тебя в плечо. От толчка ты на несколько шагов отходишь назад и весь напрягаешься ещё больше. В этот момент между тобой и Ивановым встаёт Коля. Ты делаешь один напряжённый шаг вперёд, и Коля говорит:

– Спокойно, парни...

Он смотрит то на тебя, то на взбешённого Иванова.

– Ты чего там проямлил, чмо? – ещё раз шипит Саня за плечом Коли Смиренко. – К какой это ты девчонке прикасался?! Ты!!! Перхоть подзалупная!!!

И дальше идёт такой заковыристый мат, что Гриша Соловей, стоящий в метре позади тебя, чуть не падает в обморок.

– Тихо, Саня! – повышает голос Коля Смиренко и смотрит своему другу в глаза. – Сейчас учителя сбегутся...

На вас уже и так поглядывают шатающиеся мимо ученики других классов.

Иванов кипит. Да и внутри тебя тоже далеко не тишь да гладь.

Оттулить Машу Брауберг он захотел, видите ли! Сынок богатеньких родителей! Думает, всё можно, если таскаешь в школу резинку Koh-I-noor! Думает, всё можно, если у папы есть видеокамера?!

И ты не выдерживаешь. Ты взрываешься.

– Я не знаю, кого ты тулил, – твёрдо смотришь ты Иванову прямо в глаза, – но я точно это делал и не раз...

На прежде гневном лице Иванова появляется некое подобие жалостливой ухмылки.

– Ты? – почти умилённо спрашивает он, стоя за Колей Смиренко. – Тулил?

Теперь Саня уже откровенно улыбается.

– Ты чучело, – говорит он и расслабляется. – Кого ты мог тулить? У тебя что, сестра младшая есть?

Витя Тучников смеётся. Тебя же продолжает трясти.

– Слушай, а правда, – смотрит на тебя Коля Смиренко и улыбается, – кого ты мог тулить?

Ты переводишь взгляд на него и не знаешь, что ответить. Твои глаза опускаются в пол.

– Есть кого, – уже тихо, как обычно, отвечаешь ты.

– Ну и кого именно? – опять начинает Саня Иванов. – Доказать сможешь?

Все смотрят на тебя. Даже Гриша Соловей в метре позади. Ты чувствуешь его взгляд через очки.

Но ты молчишь. Ты смотришь в пол.

– Кого? – ещё раз спрашивает Иванов и, не дождавшись ответа, опять толкает тебя в плечо. – Ты за базар отвечай!

– Тише, – слегка фыркает Смиренко, но, как и все, ждёт от тебя ответа.

– Доказать можешь? – почти по слогам шипит Саня, пожирая тебя глазами.

– Могу, – тихо отвечаешь ты из-под своей прямой чёлки и сглатываешь тугой комок...

8

В один из вечеров ты слышишь, как жена кричит на сына. Заходишь в его комнату и видишь, как она машет дневником у самого его носа. Она кричит что-то про его успеваемость...

Саня тихо стоит перед матерью. Его голова поникла, и взгляд устремлён в палас под ногами. Ты видишь лежащие на его софе джинсы, кофту и носок... Второй носок зажат в его левой руке.

Он собирался на улицу.

– Ты чего кричишь? – вмешиваешься ты в тираду жены. И хотя знаешь ответ, но всё же спрашиваешь: – Что он опять натворил?

Натворил? Опять? Это ваш-то сын? Этот вечный закомплексованный молчун? Слово «натворил» к нему точно неприменимо.

Жена на повышенных тонах опять начинает песню о школьной успеваемости, об оценках.

Что ж она так любит орать, думаешь ты? Как же тебя это всё время бесит...

Жена почти кричит о том, что завтра у Сани биология, и ему надо исправлять по ней «двойку». А он, видите ли, намылился под вечер на улицу...

Саня только стоит и молчит. В его левой руке зажат носок, который он не успел надеть.

Ты устало говоришь жене, чтобы она понизила голос и вышла. Она успевает сказать несколько гневных фраз про твою дурную наследственность, про то, что сын весь в тебя, и выходит из комнаты, не забыв хлопнуть дверью.

Дура истеричная, думаешь ты, ощущая, как начинает болеть голова после работы.

Отодвигаешь Санины джинсы в сторону и садишься на софу.

Ты спрашиваешь сына про оценки, про успеваемость. Он смотрит в пол, сжимая в левой руке носок, и говорит, что на следующей неделе всё исправит.

Ты замечаешь ему, что он обещал тебе это ещё неделю назад.

Он молчит.

Тогда ты спрашиваешь его про школьные проблемы, про то, что мешает ему нормально учиться.

Он молчит.

Говорит, что ничего не мешает, и молчит дальше.

Ты спрашиваешь, куда он собрался в восемь вечера? С друзьями гулять, отвечает он.

Интересуешься, что за друзья, откуда они? Говорит, из его сегмента по Интернету...

Спрашиваешь, чем они занимаются на встречах? Будет ли от него сегодня вечером опять пахнуть пивом?

Он отвечает, нет, не будет. И молчит дальше.

Ты тоже молчишь. Ты не знаешь, как спросить самое глав-

ное...

Как у него дела с девочками? Знает ли он, что такое презервативы? Но самое главное: ни это ли мешает ему нормально учиться?

Ты не знаешь, как спрашивать такую херню... Даже у собственного двенадцатилетнего сына.

Но как бы там всё у него ни обстояло, а ты ведь не знаешь всего. Поэтому ты говоришь ему, что он может идти гулять, но чтоб к одиннадцати уже был дома.

Проходя по коридору, на мгновение заглядываешь в шкаф и быстро проверяешь все карманы Саниной куртки.

Ничего. Пусто.

И стоит ли вообще его в чём-то подозревать? Ведь это просто твоя больная паранойя...

Вероятность того, что сын повторяет твою судьбу, ничтожна...

Наверняка у него всё иначе.

Так стоит ли его подозревать только на основании оценок? Стоит ли вообще хоть что-то додумывать?

Хотя, в своё время, у тебя в карманах тоже ничего подозрительного не валялось...

Но зато ты таких дел наворотил, что по тебе, пятнадцатилетнему салаге, тогда плакал УК РСФСР...

Двадцать лет назад в очередной из вечеров ты опять у Нины Васильевны.

Ты уже не учишь стихи, которые она требует. Всё равно она будет спать мертвецким сном, а ты пойдёшь домой.

Обычно всё так и происходит. Но не сегодня.

Нина Васильевна наливает чай. Сегодня у неё, кроме "морского камушка", ещё "Гусиные лапки" и «Рачки» – конфеты с разными названиями, но одинаковым вкусом.

Пока посасываешь «рачок» и запиваешь горячим чаем, с облегчением наблюдаешь, как Нина Васильевна допивает свой чай и достаёт из холодильника водку.

После опустошения стакана, она идёт в душ... Как обычно...

Уже через пятнадцать минут тыходишь в ванную, выключаешь душ, обтираешь тело Нины Васильевны, распротёртое в ванне, полотенцем и опять тащишь его в комнату.

Дотаскиваешь тело до прихожей, выпрямляешься, чтобы перевести дух, и бросаешь взгляд в зеркало на стене у входной двери.

В отражении ты видишь себя, салагу, на которого свалилась необычная напасть и который сам же, в одиночку, с ней и справляется. И это несмотря на всю свою серость и затюканность.

А ведь ты изменился, понимаешь ты вдруг, глядя на себя в зеркало. Взгляд у тебя стал другим. Изменилось в нём что-то неуловимое, что-то, что не описать словами.

В зеркале виден задумчиво разглядывающий себя пацан во фланелевой рубаше и штанах из хрен знает какого материала. На холодном линолеуме у его ног лежит абсолютно голое женское тело...

Ты бросаешь взгляд в комнату, на кровать, и понимаешь, что дальше тело тащить не надо. Лучше оставить его прямо здесь, в прихожей... Так будет эффектней.

В тапочках спускаешься вниз и выходишь из подъезда. Оглядываешься по сторонам. Уже темнеет, но ты их видишь в глубине двора. Коля Смиренко и Саня Иванов сидят друг напротив друга на качели и по очереди пружинят ногами от земли. Толя Тучников стоит рядом с ними и ёжится в болоньевой куртке на весенней прохладе.

Ты окликаешь их, они озираются. Немного суетясь, подходят к тебе под козырёк подъезда.

– А мы уж думали, ты надурить нас решил, – говорит Саня Иванов, сунув руки в карманы и поёживаясь. – Мы здесь за эти сраные полчаса промёрзли до костей...

– Ну что? – спрашивает Коля Смиренко, – сейчас будешь нас знакомить со своей девкой?

Он слегка улыбается. Саня и Витя тоже.

Пока поднимаетесь наверх, Иванов успевает спросить: и сколько ты ей заплатил, чтобы она подтвердила, что ты её

пятил?

Ты шагаешь по ступеням и молчишь. Ты не роняешь ни слова. И что интересно, тебе совсем не страшно. Ты собираешься сейчас раскрыть ребятам свою самую страшную тайну с момента твоего рождения, но тебе совсем не страшно.

Толкаешь нужную дверь и проходишь в квартиру. Пропускаешь ребят за собой. В прихожей троим ребятам и лежащей женщине места мало. Ты аккуратно отступаешь в сторону, но так, чтобы не наступить на кисть Нины Васильевны...

– Офигеть, – тихо выдыхает Иванов.

От удивления его глаза широки. Широки они и у Коли Смиренко, и у Толи Тучникова.

Ты спокойно стоишь и смотришь на голое тело под ногами.

– Офигеть, – Иванов всё пытается исчерпать свой словарный запас.

– Это же Нина Васильевна! – горячим шёпотом выпаливает Коля и опускается на корточки.

Парни ещё целую минуту смотрят на свою учительницу литературы, которая голая лежит на холодном линолеуме.

Ты скидываешь тапочки, обходишь Нину Васильевну, приподнимаешь её за плечи и волоком тащишь в комнату.

Посмотрели, и хватит.

Троица смотрит на тебя, словно немая. Они даже не моргают.

Когда ты с трудом поднимаешь тело на кровать, ребята

вновь оживают. Медленно, но верно. Они начинают задавать тебе вопросы. Много вопросов. А ты натягиваешь на Нину Васильевну трусы и тихо, скромно, на все вопросы отвечаешь...

Парни разубаваются и проходят в комнату. Они до сих пор в шоке, но уже отходят. Смотрят, как ты напяливаешь на неё ночнушку.

Ты рассказываешь всё, как было. Без утайки.

Рассказываешь про её домогательства. Рассказываешь про водку, про ноксирон...

Ещё минут через пять парни уже начинают шутить и улыбаться. Витя Тучников подсаживается на кровать и осторожно, словно чего-то боясь, прикасается к ноге Нины Васильевны. Он проводит ладонью до колена и по ляжке вверх... Всё это делает так осторожно...

– Горячая, прикиньте, – удивлённо улыбается он, повернувшись к парням.

– А ну-ка, дай я потрогаю.

Иванов садится у её ног и принимается медленно водить по ним рукой. Он их гладит, а на его лице возникает улыбка удивления... Скорее даже, гримаса. Такое лицо бывает у совсем маленького ребёнка, впервые увидевшего калейдоскоп.

– Да уж, – как-то напряжённо выдыхает Коля Смиренко, по-прежнему стоя у шифоньера.

– А можно... – Тучников немного мнётся. – Можно ей грудь потрогать?

Он спрашивает у тебя, можно ли потрогать грудь лежащей перед ним женщины. Вашей учительницы литературы и русского... Будто тело Нины Васильевны – твоя безоговорочная собственность.

– Как хочешь, – равнодушно отвечаешь ты.

И вы все смотрите, как он аккуратно стягивает бретельку ночнушки с её плеча, оголяя грудь. Ты смотришь, как он со всей нежностью, на какую только способен грубоватый подросток, кладёт свою пятерню на обнажённую женскую грудь.

Смотришь, как он её то сжимает, то разжимает. То сжимает, то разжимает...

А выражение лица у него такое, будто он всю жизнь ждал именно этого момента.

Лицо конкистадора, увидевшего золото инков.

– Вот бы снять её на видео, – произносит зачарованно Саян Иванов.

– А потом за деньги всем показывать, – добавляет Коля Смиренко, который почему-то неожиданно тих в этот вечер.

Потом ты говоришь, что надо идти по домам. Уже темнеет, а ещё надо сделать домашнюю работу по геометрии.

Ты говоришь, пора закругляться.

И ребята на удивление безропотно подчиняются твоему призыву.

Вы обуваетесь и уходите.

Но пока вы идёте от подъезда, ты смотришь на ребят... Их лица в тот вечер... Ты никогда не забудешь этих лиц...

Они буквально светились от счастья. Будто всем им сегодня открылась некая великая тайна, которую доселе никто на свете не знал...

* * *

Каждый день после совместного вечера Нина Васильевна приходит в школу вялая, разбитая. И только ближе к обеду её манерность и осанка опять обретают былой колорит.

Её вялость, наверное, это результат воздействия смеси ноксирона и алкоголя.

Тогда ты ещё не знал, что всего через несколько месяцев ноксирон изымут из свободной продажи и начнут выдавать исключительно по рецептам.

И тем более ты не знал, что чуть позже его и вовсе вычеркнут из перечня лекарственных средств...

Тогда в стране никто этого не знал. И многие добропорядочные граждане Союза потребляли эти белые таблетки исключительно как снотворное, несмотря на то, что они вызывают высокую физическую зависимость...

Многие наркоманы уже тогда свободно закупали ноксирон пачками и потребляли его вместе с кодеином. Для усиления эффекта.

Тогда и появился термин "ноксирон-кодеиновая зависимость". "Ноксирон-кодеиновая наркомания"...

Но мало кто об этом знал заранее.

И уж ты тем более... Потому ты продолжал с завидной периодичностью поить свою учительницу литературы водкой с ноксироном, а сам поправлял своё пошатнувшееся положение в учёбе.

На следующий же день после того, как ты раскрыл свои карты, ты внимательно смотришь на ту парту, за которой сидит серьёзная Маша Брауберг. Ты думаешь над тем, каким должен быть первый шаг. Её нужно куда-то пригласить, но куда? Погулять по парку и поесть мороженого? А не слишком ли это по-детски? Ещё бы пригласил её домой почитать опостылевшую «Почемучку» Гриши Соловья...

А может, пригласить её в видеосалон неподалёку? Ты слышал, там сейчас идёт фильм «Чужие» про монстров... Пусть ты и сам ещё никогда не бывал в видеосалоне, но когда-то же надо начинать.

Твои сверстники уже всюду бегают на танцплощадки – "Modern talking", "Boney M" и всё такое... Наверное, и Маша тоже этим увлекается. Если уж она вместе со всеми смеялась над физичкой и знала, что такое «дрочить», то даже наверняка.

Но в одном ты уверен точно – тебе понадобятся деньги. Здесь «Почемучкой» не отделаться.

Ответ, где тебе взять деньги на ухаживания, на одной из перемен приходит сам собой.

К тебе подходит Саня Иванов и говорит:

– Слушай, тут... Ты не мог бы мне дать снять голую Нину

Васильевну на камеру?

Пусть он парень и лихой, но ты видишь, что ему этот вопрос даётся нелегко. Как и нелегко даётся тебе неожиданный для тебя самого ответ...

Ты говоришь: рубль за полчаса съёмок...

Ты говоришь это неуверенно, но всё же как есть...

Пока Саня немного мешкает, ты прикидываешь в голове и добавляешь: за пятнадцать минут...

Видно, что Иванов не ожидал такого поворота. Он задумывается. Ведь мог бы просто нагрубить тебе, послать к чёрту, в жопу или ещё куда, но он задумывается.

У него не то положение, чтоб сейчас тебе грубить.

– Согласен, – кивает Саня. – Когда?

9

Извращений и извращенцев кругом полно. Куда ни ткни пальцем.

Несколько месяцев назад, когда рулевую колодку твоей «девятки» заклинило, ты две недели добирался на работу на общественном транспорте. Но тебе хватило этих двух недель, чтобы понять, как много кругом извращенцев.

В первый же день ты забираешься в битком наполненный автобус Восемь утра – в это время иначе не бывает. Только битком.

В автобусе все плотно прижаты друг к другу. На улице зима и по утрам ещё темно.

Ты держишься за поручень и смотришь ледовые узоры на окне. Справа вплотную к тебе стоит пацан лет десяти. На его спине ранец. Наверное, едет в школу. Остановки через две ты начинаешь различать среди мерного рычания автобуса ещё какой-то звук... Что-то похожее на глубокие прерывистые вдохи. Такие тяжёлые...

Они доносятся откуда-то справа, недалеко.

Ты косишься вправо. Рядом с тобой прямо вплотную стоит этот школьник. Перемещаешь взгляд дальше – вплотную к пацану стоит огромный мужик.

Мужик вполне обычный – типичная внешность заводского рабочего, интеллект на уровне девяти классов... Ты бы

стал вглядываться в толпу пассажиров и дальше, если бы не обратил внимания, что этот тип с высоты птичьего полёта смотрит на парнишку с ранцем.

Он смотрит на этого салагу таким мутным затуманенным взором, что в твоей голове рождаются некоторые подозрения... Туманные, как его взгляд.

Опять смотришь на ледяные узоры на окне, думаешь о чём-то своём. Вдруг опять этот глубокий дрожащий вдох... Затем такой же глубокий выдох.

Ты снова поворачиваешь голову направо. Верзила всё так же затуманенными глазами смотрит на парнишку с ранцем. В тебе крепнет уверенность, что эти вдохи принадлежат именно ему... Заводскому трудяге с идиотской рожей.

В этой утренней зимней темноте плохо видно, но, может быть, этот верзила в шапке сейчас тычется сквозь брюки эрегированным членом салаге-школьнику в плечо и от этого «кончает»? А плечи парнишки как раз на уровне мужицких гениталий этого здоровяка...

Парнишка невозмутимо стоит, держится за спинку сиденья и, как и ты, смотрит на ледяные узоры на окне.

Ладно, думаешь ты, может, верзила «кончает» от одного вида маленького пацана?

Но этот мужик точно нездорово пялится на парнишку. Точно с ним что-то не так...

Ты опять смотришь на обмёрзшее окно.

Так продолжается ещё несколько минут. Затем ты слы-

шишь, как верзила-заводчанин говорит пацану с ранцем: привет, мальчуган...

Эта фраза укрепляет все твои самые худшие опасения. Педофил, думаешь ты и косишься на мужика.

Здравствуйте, тихо отвечает парнишка и неуверенно продолжает смотреть в окно.

Заводчанин молчит секунд десять. Затем говорит: ты куда, в школу?

Ты весь внутренне напрягаешься. Ты весь настороже.

Да, тихо кивает парень.

А скоро выходишь, спрашивает хрипло верзила?

Ты напрягаешься ещё больше...

Через одну остановку, тихо отвечает парень с ранцем, продолжая глядеть на замёрзшее окно.

И всё. Мужик молчит. Будто получил всю необходимую информацию.

Ты для себя твёрдо решаешь: если через одну остановку эта горилла тоже засобирается к выходу вслед за пареньком, то и ты выйдешь вместе с ними.

На улице темно, пусть и утро. Верзиле ничего не будет стоить сгрести парня в охапку и уволочь в подворотню. Что он там может с ним сделать, лучше не представлять...

Ты решаешь: пойдёшь за ними следом. Посмотришь, идёт ли мужик именно за пареньком, и тогда сориентируешься... В наименее людном месте двинешь верзиле со спины в висок...

Ты весь полон этой жёсткой решимости.

Но на оглашённой остановке мужик не выходит. Ранец мелькает в толпе, протискивается к выходу и вскоре исчезает на заснеженной тёмной улице. А мужик продолжает стоять на своём месте...

В мыслях ты глубоко выдыхаешь.

Миновало.

Смотришь на озабоченного верзилу со странными замашками – самый обычный человек. Вполне нормальный. Таких десятки и сотни тысяч кругом. Может, и в твоём геодезическом коллективе есть такой же человек – который в автобусах вожделенно жмётся к маленьким детям, расспрашивает их о чём-то, не в силах контролировать даже своё дыхание.

Ведь работал же в чём-то коллективе тот мужик, которого задержал наряд милиции за то, что на параде в честь Дня победы он стоял в многотысячной толпе и дрочил. Просунув руку в дырку в кармане своих штанов, он дрочил, глядя на идущих демонстрантов.

А тот парень, что в автобусе на каждой кочке и на любом повороте так и норовил случайно задеть тыльной стороной ладони выпуклость на твоих брюках? Он тоже нормальный? На вид вполне нормальный, но по сути?

Первые несколько остановок ты так и думаешь – думаешь, обычный человек. Но после очередного его касания к твоему причинному месту ты поворачиваешь к нему голову. Ты хочешь сказать ему: извините, я понимаю, автобус битком,

но не могли бы Вы отступить немного подальше?

И вот ты смотришь на этого парня – с гривой, перехваченной резинкой, в строгом зимнем пальто и с папкой в руке... Ты смотришь на него и вдруг понимаешь, что эта часть автобуса никак не битком. Что вся толпа людей, что зашла в автобус вместе с этим парнем, рассосалась по всему салону. И вокруг тебя сейчас полно свободного места. Действительно полно.

Ты оглядываешься кругом и понимаешь всю нелепость ситуации.

На пяточке, где много свободного места, очень близко к тебе стоит обычный с виду парень лет двадцати семи и как бы случайно на поворотах и кочках подаётся к тебе и тыльной стороной ладони касается твоего члена под брюками...

В общем, твой тон не получается совсем уж миролюбивым, когда ты говоришь: не могли бы Вы убрать Вашу руку подальше?

Парень с гривой бросает на тебя быстрый испуганный взгляд, так же быстро еле заметно кивает и делает шаг в сторону от тебя.

Ты же опять отворачиваешься к окну, смотришь на проносящиеся мимо дома и улицы, но сам продолжаешь ощущать, как кровь ударяет тебе в лицо. Тебя охватывает волна с трудом подавляемого гнева.

Так нормальный ли этот парень? Если ни его грива и папка в руках, то взгляду и вовсе не за что было бы зацепиться.

Самый обычный на вид человек.

И сколько таких кругом? Сколько таких самых обычных? Десятки? Сотни? Тысячи?

Твоя жена говорит, все извращенцы. Каждый в той или иной степени, но всё-таки извращенец.

Взять хотя бы самый обычный поцелуй... Он производится губами. Обычными губами.

Но ведь губы – не половой орган. Тем не менее каждый человек стремится получить с их помощью исключительно половое удовлетворение.

Фрейд считал поцелуй сексуальным извращением. И с этим трудно поспорить.

Использование губ в половой ласке – это самая заурядная фетишизация.

Получение удовольствия от поцелуев фактически ничем не отличается от удовольствия тех, кто кайфует от обнюхивания чужих трусов.

Твоя жена говорит, все извращенцы. В той или иной степени...

А что считать эталоном, говорит она? Если даже невинный поцелуй является отклонением, то что же тогда считать эталоном? Исключительно фрикции и ничего больше? Никаких облизываний? Никаких поглаживаний?

Даже животные во время случки кусают друг друга...

Поэтому чистого секса нет, говорит твоя жена.

Есть лишь секс с извращениями, говорит она и достаёт из

тумбы плётку и кляп...

* * *

Ты не спрашиваешь Иванова, зачем ему надо снять голую Нину Васильевну на камеру. Наверное, была бы у тебя камера, ты бы тоже её запечатлел. А так ты только берёшь с Сани рубль и никаких вопросов не задаёшь. Ты только смотришь, как он ходит вокруг кровати и разглядывает голое тело через объектив.

Он то приближает, то отдаляет.

Ты поглядываешь на часы: сколько времени прошло?

Иванов присаживается на край кровати и тянет левую руку к обнажённой груди Нины Васильевны. При этом он снимает её на камеру, свою левую руку.

Снимает то, как щупает ею мягкую грудь вашей учительницы.

Он то приближает, то отдаляет.

Время Иванова заканчивается. Его пятнадцать минут истекли. Ты говоришь ему об этом. Когда он поднимается с кровати, ты обращаешь внимание, что выключенную камеру он держит на уровне ширинки своих фирменных джинсов.

Прячет эрекцию.

Ты выпроваживаешь Саню из дома, а сам возвращаешься в комнату. Ты совсем не боишься, что со сделанной записью он сделает что-то не то. Всякий страх в тебе пропадает. Ты

уже неделю как ничего не боишься.

Что-то в тебе переменялось. Ты стал другим. Теперь ты не такой, как месяц назад. Совсем не такой.

Присаживаешься на кровать и трогаешь грудь Нины Васильевны.

Такая мягкая...

Отношение твоих соклассников к тебе меняется. Если раньше у окна в коридоре они стояли в сторонке своей кучкой, то теперь сами подходят к тебе, задают вопросы, улыбаются... Теперь ты им интересен. Теперь ты им нужен.

Они спрашивают, в каких позах ты «драл» Нину Васильевну, как часто и т. д.... Им всё это очень интересно...

И каким бы ты закомплексованным и молчаливым ни был, а всё же начинаешь рассказывать об этом...

В итоге всё закручивается совершенно в ином качестве.

Вы сидите на кухне у Нины Васильевны и играете в карты. Только ты, Коля Смиренко и Толя Тучников.

Играете в «фараона» и пьёте чай вприкуску с "морским камушком" и "рачками".

Ты по-прежнему мало говоришь, а всё больше слушаешь разговоры парней.

Вот на кухню входит Саня Иванов. Все оборачиваются к нему.

На нём только джинсы и ничего больше.

Его тело блестит потом в свете 60-ваттной кухонной лампочки.

– Ну и как? – спрашивают парни, затаив дыхание и глядя на застывшее лицо друга.

Тот, стоя босыми ногами на драном линолеуме, поднимает перед собой правую руку.

В ней болтается растянутый, будто уставший, презерватив с мутной жидкостью в спермосборнике...

– Нормально, – внезапно улыбается Саня и трясёт использованным презервативом.

Ты киваешь на целлофановый пакет у плиты и говоришь: бросай сюда...

Следующий идёт Толя Тучников. По его лицу видно, что волнуется.

Он кладёт на стол перед тобой рубль.

Это нормальная цена. Даже низкая.

Сходить в видеосалон стоит и то рубль двадцать.

Он кладёт перед тобой деньги и идёт в комнату...

– Удачи! – подмигивает ему Иванов. – Не подведи меня...

Именно так и начинаются новые вечера ваших серых будней.

Три или четыре раза в неделю ты приходишь к Нине Васильевне, она пьёт свою водку с ноксироном, и ты тащишь её, спящую, в комнату. Затем спускаешься из подъезда на улицу, свистишь ребят, и они идут за тобой...

Первые две недели вас всего четверо. За каждый такой вечер ты зарабатываешь на эксплуатации Нины Васильевны три рубля минимум. Когда Иванов хочет поснимать голое

тело или то, что он с этим телом вытворяет, на свою видеокамеру, ты берёшь ещё рубль за пятнадцать минут...

Рубль за пользование Ниной Васильевной – действительно не такая уж и высокая цена.

В неделю, в общей сложности, у тебя получается десять рублей смело.

Для девятиклассника конца 80-х это хорошие деньги.

Особенно если учесть, что такой девятиклассник, как ты, эти деньги не знал, куда тратить...

С Машей Брауберг у тебя ничего не получилось. Тогда ты ещё не понимал, что сколько бы денег у тебя ни было, а ты по-прежнему оставался зажатым пацаном с прямой засаленной чёлкой и в поношенных кедах.

Она посмотрела на тебя, растерянно улыбнулась и выслушала твоё "Маша... Я тут... Давай в кино ходим?... Тут видеосалон неподалёку есть..." Затем она подхватила свой портфель с парты и, проходя мимо тебя, холодно сказала, что ей надо уроки делать...

После этого ты начал откладывать вырученные с реализации Нины Васильевны деньги на покупку «Камы». Давно уже мечтал.

Твои прибыли растут ещё больше после того, как Саня Иванов всё-таки показывает видеозаписи с Ниной Васильевной парням из своего двора. После того, как он им рассказывает всю твою историю, они тоже решают причаститься к общему делу...

В первый же день приходит сразу пять человек. И трое из них – существенно старше тебя и твоих соклассников. Им года по двадцать три...

Твой тёзка Витя Маевский у них за главного. Это сразу видно.

Саня отводит тебя на кухню и говорит, что Витя сидел в лагере для несовершеннолетних лет семь назад. За грабёж, говорит Саня.

Так что ты с ними поосторожнее, кивает он тебе.

Но с первого же дня твои отношения с Витей налаживаются. Он оказывается весёлым парнем и даже неглупым. Он хлопает тебя по плечу и говорит, что ты смекалистый малый. Говорит, что не каждому дано ума заработать на том, что ему не принадлежит.

В нашей сраной стране любое предпринимательство запрещено, говорит Витя Маевский. Но 1-го мая в силу вступит закон "Об индивидуальной трудовой деятельности", который был принят ещё 19-го ноября прошлого года. Тогда бы ты и смог вылезти на рыночную арену...

Он говорит это и смеётся.

А ты думаешь: 19-е ноября – это же день моего рождения... Совпадение ли – закон о предпринимательстве принимают именно в день твоего рождения?

Хотя специфика твоего заработка всё равно вряд ли позволит тебе обойти Уголовный Кодекс, подмигивает Маевский. Так что шкерься, паря...

Перед уходом он жмёт твою руку и говорит: ладно, тёзка, будут проблемы, обращайся.

И он уходит. И дружки его тоже уходят – довольные, убажённые.

Ты заглядываешь в комнату и видишь Нину Васильевну в весьма плачевном состоянии.

Она лежит на животе лицом в кровать на подобранных под себя коленках.

Вся её задница, спина и затылок – в мужских выделениях...

Смотришь на это, а потом идёшь в ванную за тряпкой. Никто, кроме тебя, этого не сделает.

И так продолжается много дней подряд. Ты только успеваешь протирать Нину Васильевну тряпочкой...

В первые дни в школе было даже заметно, с каким трудом вашей учительнице удавалось ходить. Держать свою псевдоаристократическую выправку ей было вообще невозможно...

Говорят, Нину Васильевну вызывал к себе директор. Якобы отчитывал её за участвовавшие опоздания на работу. Говорят, он пожурил её за ухудшающийся внешний вид и любопытствовал о её самочувствии...

Ваша учительница действительно с каждым днём выглядит всё хуже, всё подавленней.

Несколько раз она приходит на урок, бессмысленно листает учебник и молчит. По всей видимости, она просто за-

была, что вы на тот момент проходите. Она теперь большую часть урока просто сидит за столом и слушает декламации учеников или устраивает чтения по ролям.

Это в девятом-то классе...

Нина Васильевна больше не разгуливает по кабинету меж парт со своей прямой спиной и не шлёпает себя указкой по руке. Никто уже её не называет классным метрономом.

Иногда выдаются дни, когда Нина Васильевна вообще старается как можно меньше подниматься из-за стола. Старается как можно меньше ходить.

Потому что ей попросту трудно ходить.

Больно.

Это всё из-за того, что предыдущим вечером с ней, спящей, в комнате запираются сразу несколько парней – трое или четверо.

Поэтому у неё потом всё и болит. Поэтому ей потом и трудно ходить.

Как-то в один из вечеров она говорит тебе за чаем, что совсем ничего не помнит почти за весь последний месяц. Она говорит, что многие вечера просто выпадают из её памяти.

Начисто.

А ещё она говорит, что совсем не помнит, как вы перешли на анальный секс...

Но потом она опять делает несколько глотков водки, и ты спускаешься вниз и зовёшь изголодавшихся парней.

По вечерам в квартире Нины Васильевны толпа народу.

Ещё две недели назад ты не знал никого из них...

Каждый вечер играет музыка – кто-то из парней постоянно приносит с собой магнитола. Несколько человек на кухне играют на деньги в карты, ожидая своей очереди в Комнату.

Кто-то в ванной «дерёт» свою подружку – ты разрешаешь с некоторых пор водить сюда девчонок, но за отдельную плату.

Кто-то из новичков по незнанию залезает в холодильник и без спросу пьёт ту самую водку. Потом он спит на полу в прихожей среди многочисленных пар обуви...

Всякое воровство в квартире было пресечено – ты находился под эгидой Вити Маевского. Он вообще вызывает у тебя сильную симпатию. Ты даже не смеешь брать с него деньги за Нину Васильевну.

Несколько раз ближе к ночи в квартиру навещается милиция. Но ребята просто делают музыку тише, а дверь не открывают.

Кто только не перебивал в этой квартире за этот весёлый месяц.

Были и твои одноклассники – Саня, Коля и Толя. Были и ребята из старших классов, которых прежде ты знал только в лицо. Были и совсем незнакомые тебе ребята из соседних дворов со своими вечно хмельными подружками с пышной гривой волос и с такими вульгарно накрашенными лицами, будто они просто валялись в пудре, тенях и ярко-красной помаде.

А бывали и совсем уж взрослые мужики. Худощавые с татуировками на руках, спине и груди – купола, кресты и перстни...

Маленькая однокомнатная квартирка тихой учительницы литературы превратилась в самый настоящий шалман. В притон, где собирался сброд со всего микрорайона и оттягивался там по полной программе...

В среде трудной молодёжи и других пользователей Нины Васильевны ты быстро становишься известен под прозвищем Витька-Коммерсант. Многие действительно удивляются твоей находчивости и предприимчивости.

Ты часто приходишь домой весь прокуренный и с запахом портвейна изо рта. Отец спрашивает, где ты был, а ты стоишь на одной ноге, шатаешься и пытаешься снять с другой ноги кеды... Когда тебе удаётся ответить, что ты был с друзьями, тебе тут же прилетает затрещина.

Это твой худощавый папаня пытается отомстить за своё несчастное школьное детство, когда его били одноклассники, думаешь ты, лёжа на полу и глядя в потолок...

Так бывало не раз...

Разгульная жизнь захватывает тебя полностью.

Ближе к полуночи, когда все обязательно расходятся, ты только успеваешь прибираться, выветривать дым и протирать Нину Васильевну тряпочкой.

Её задницу и спину... Её затылок и грудь... Её лицо и волосы...

Завтра она опять будет еле заметно прихрамывать, думаешь ты, обтирая её грудь. Завтра у неё опять всё будет болеть, думаешь ты, протирая губы и глаза.

И неизвестно, сколько бы оно так всё продолжалось, если бы не Саня Иванов и его сраная видеокамера...

Ты лежишь с женой в постели. Оба уставшие. По тому, как лунный свет через окно ложится на её лицо, ты понимаешь, что она довольна.

В принципе, это было понятно и по тому, с каким трудом всего минуту назад она сдерживала рвущиеся стоны...

Ты читал Бродского... Если бы не он, то ты бы так не смог. Ты это точно знаешь.

Особенно ты любишь его стих:

Я входил вместо дикого зверя в клетку, выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке, жил у моря, играл в рулетку, обедал черт знает с кем во фраке.

Он тебя особенно сильно заводит вот уже как двадцать лет.

Когда дыхание жены выравнивается и более-менее приходит в норму, она рассказывает про то, что далеко не все женщины знают, что такое оргазм.

А всё потому, что далеко не все женщины мастурбируют. Многие из них даже не знают, как это правильно делается. Не знают, что проще всего и доступнее – стимуляция клитора. Некоторые так и думают, что надо непременно что-то совать во влагалище, что не так уж и удобно.

Это звучит смешно, говорит твоя жена, но некоторые женщины действительно не знают, что такое мастурбация и как

это делается...

Твоя жена рассказывает, что к ней обращалась женщина, которая до тридцати лет не знала, что такое оргазм. Мужчины ей всегда попадались такие, которые ни разу до оргазма не доводили, а о женской мастурбации она попросту никогда раньше не слышала. Сексом она занималась потому, что ей был приятен сам процесс. Сами фрикции...

Лишь однажды совершенно случайно, принимая душ, она ощутила чрезвычайно приятные ощущения внизу от соприкосновения со струями воды. Тогда она направила головку душа туда ещё ближе... И это был первый оргазм в её жизни.

Твоя жена говорит, что уровень сексуальной культуры в стране чрезвычайно низок. Эта культура как таковая вообще напрочь отсутствует. И дело здесь явно в пагубном советском прошлом с его невротическими взглядами на секс и в атавистичном православии, которое хочет всех людей вогнуть в каменный век.

Даже животные мастурбируют, говорит твоя жена. Дельфины трутся набухшим половым органом о дно. Дикобразы дробчат прямо на ходу, забавно передвигаясь только на трёх лапах... Слоны делают это хоботом, просовывая его промеж ног...

Обезьяны бонобо так и вообще сношаются много часов в сутки с перерывами на завтрак, обед и ужин. Им известен даже гомосексуализм и оральный секс.

Они разве что пока не сообразили снимать это всё на ви-

део, говорит твоя жена.

Ты слушаешь это и вспоминаешь, как ваш совсем ещё маленький Саня плотно сжимал ручки между ног и с закрытыми глазами глухо сопел и елозил. А когда ему было уже три года, он сказал тебе на плохом русском, лёжа в кровати: папа, смотри, как я умею... Сейчас потрогаю писю, и она станет больше...

И что ведь самое интересное, ты не сдержался...

Ты хорошо помнишь о своём глубоководном детстве, но ты всё-таки не сдержался... Ты шлёпнул сынишку по руке и сказал, что так делать нельзя...

И твоя жена ещё спрашивает, почему у нас такой низкий уровень сексуальной культуры?

Да потому что мы – это мы. И только время нас исправит...

Она права, что это и наследие нашего советского прошлого и влияние далеко не прогрессивного православия. Потому что мы – это слепок двух этих антагонистов. Причём слепок, раздираемый противоречиями между воспитанием, закладывавшимся в нас десятками и даже сотнями лет, и нашей природой... Простой донельзя. Животной...

Но, может, оно и к лучшему, что всё обстоит именно так, как есть?

Ты знаешь молодую красивую женщину, которая без особых проблем может заняться ночью сексом прямо на скамейке во дворе многоэтажного дома, в котором сама и живёт.

Секс на одну ночь для неё не проблема. Дома она часто ходит абсолютно голая. Прямо при своей семилетней дочери и трёхлетнем сыне...

Это сексуальная культура? Это нам надо?

Что вырастет из её детей?

Трудно представить, как Ломоносов ещё юнцом голышом бегал по Холмогорам в поисках доступной крестьянской дочки или же привязанного крупного рогатого скота...

Хотя если вспомнить Есенина...

Ты помнишь маленькую девочку лет шести в посёлке Монетный, что в семидесяти километрах от Екатеринбурга... Помнишь, как ты был удивлён, когда случайно на лавочке с друзьями услышал её разговоры с малышнёй в пяти метрах от вас... Она своим писклявым голосом говорила что-то про писю... Потом тебе объяснили, что эта маленькая блядь уже всюю сношается с теми, кто хоть чуть постарше.

И весь посёлок это знает.

Это сексуальная культура? Это нам надо?

Биография любой порнозвезды начинается с того, что в раннем возрасте её дефлорируют. В самом раннем.

Лет в двенадцать-четырнадцать...

Кто из родителей хочет, чтобы их дочь была порнозвездой? Ты спрашиваешь нормальных родителей, а не родителей Лены Берковой.

Как насчёт той девочки из Тольятти, которая к своим двадцати двум годам сделала семнадцать абортотв?

Как насчёт той девочки из Орла, которая делает аборт каждый год, начиная с двухтысячного?

У неё выдаются недели, когда у неё пять дней подряд – новый мужчина. Её можно «напаять» прямо в тёмном углу какой-нибудь говённой дискотеки типа "Эльдорадо".

Так что если тебе удавалось «отыметь» прямо на дискотеке какую-нибудь высокую блондинку-шалаву, то очень вероятно, что твой маленький ребёнок несколько недель спустя был вакуумным насосом откачан из её порочного блядского чрева где-нибудь в дешёвой больничке на окраине...

Но зато эта девочка такая компанейская. Она так весело, задорно смеётся. И ещё она великолепно исполняет на пианино этюды Шопена...

Это сексуальная культура? Это нам надо?

Безумные сексуальные оргии – это не культура. Это бескультурие. Самое настоящее.

Культура – это когда выжимаешь немного лимонного сока в ложбинку на тыльной стороне растопыренной ладони, сыплешь туда щепотку соли, а потом всё это плавно слизываешь, докидывая сверху двадцатью граммами текилы.

Вот если пьёшь текилу прямо из горла, жадно давясь и ничем не закусывая, то это уже бескультурие. Самое настоящее...

Культура – это мера. Культура – это ритуал.

Это утончённость. Это разборчивость.

То же и с сексуальной культурой...

Пока ты и Нина Васильевна по вечерам надували арма-
вирские презервативы – это была культура... Какая-ника-
кая...

Пока ты, потея, читал над ней стихи – это была культура.
А вот когда за один вечер ты пропускал через свою учи-
тельницу пять человек – это уже было бескультурье.

Когда на неё вскарабкивались сразу трое – по числу бо-
лее-менее функциональных отверстий в её теле – это уже бы-
ло бескультурье. Самое настоящее...

Культура – синоним меры.

Тебе довелось пожить в двух разных эпохах – в советской
и постсоветской.

Это две совсем разные эпохи.

Это были две совсем разные культуры.

Саня Кирдяпкин из шестидесятых и семилетняя блядь из
посёлка Монетный конца девяностых – это символы своих
эпох. Пусть и утрированные, доведённые до карикатурной
крайности, а всё-таки символы...

Но ведь если верить Гегелю, должно быть что-то среднее.

Тезис – антитезис – синтез.

Должно быть нечто среднее.

Видимо, оно, это самое среднее, должно наступить со вре-
менем. Когда волна пресыщения пойдёт на убыль. Когда нач-
нётся откат. Когда все остановятся на чём-то среднем – на
синтезе застенчивости и блядства...

Тогда это можно будет назвать культурой. Сексуальной

культурой.

Пока витаешь в своих собственных рассуждениях, не успеваешь заметить, как жена уже говорит о вашем сыне. И как она только перескочила на эту тему? Она говорит, что у вашего сына очень плохо с учёбой. Говорит, что у него только «тройки» и «двойки». Лишь по литературе и русскому у него «четыре» и «пять», говорит она. Надо что-то с ним делать...

Но ты и сам всё это знаешь. Тебе не нужно ничего рассказывать.

Ты пробовал говорить с Саней о его успеваемости, но он только ещё больше замыкается. Он и без того всё время замкнут, прямо как ты в своём далёком сером детстве. И ты не хочешь загонять его в себя ещё глубже.

Но что-то надо думать...

Твоя жена говорит, что в пятницу у Сани родительское собрание. Она говорит, что не сможет на него пойти, потому что должна помогать своему доктору-сексологу в проведении семинара.

Твоя жена говорит, что на собрание должен пойти ты.

Вот и чудно, думаешь ты. Ты и не собираешься спорить...

А пока что жена прекращает разговоры об успеваемости сына. Она поворачивается к тебе и целует.

Чистого секса нет, говорит она. Есть лишь секс с извращениями...

И достаёт из тумбы плётку и кляп...

Ты колесишь по двору на своей новенькой ярко-красной "Кама".

Уже середина мая – всюду солнечно, сухо и даже немного жарко. Ещё через две недели учебный год закончится. Летние каникулы и прочая дребедень...

Родители думают, что «Каму» тебе отдал друг, а себе купил спортивный велосипед с переключающимися скоростями.

Родители с трудом, но, видимо, верят...

Свой старенький «Школьник» ты продал соседскому парнишке за символические 20 рублей... «Кама» же тебе обошлась в целую сотню. Её ты копил целый месяц...

Ты беззаботно колесишь по двору на почти честно заработанном велосипеде, когда тебя окликает высокий усатый мужик в костюме.

Не без опаски ты подъезжаешь к нему... Этот мужик представляется и рассказывает тебе следующую историю...

Несколько дней назад отец Сани Иванова, подполковник Министерства Обороны, даёт своему другу-сослуживцу посмотреть фильм "Последнее танго в Париже". Но уже на следующий день друг возвращает кассету и рекомендует глянуть эпизод в середине фильма...

Якобы там в один из моментов фильм прерывается, и

около минуты идёт откровенное порно. Но порно не ФРГ-шное, в шикарных апартаментах отеля, а какое-то до боли знакомое... Советская потрёпанная «хрущёвка», советские ПТУшники, ругающиеся отборным русским матом и вчетвером облепившие на кровати какую-то голую тётку...

Самое забавное там – это фраза одного из парней.

На записи он довольно произносит: а это Вам за вчерашнюю «двойку», и втыкает свой юношеский член туда, куда удаётся воткнуть... В единственное свободное отверстие.

А самое странное то, что злостный мститель, таким необычным образом борющийся со своей школьной неуспеваемостью, – это сын Николая Иванова.

Саня...

Друг возвращает онемевшему отцу Сани кассету и говорит: устрой своему сынку допрос с пристрастием... А так, фильм ничего...

И подмигивает: это я не только про "Танго в Париже"...

Дома отец налетает на своего Саню чуть ли не с кулаками, и тот ему со слезами на глазах всё рассказывает.

Саня выкладывает отцу всё, как есть. Всю твою историю с деталями, которые он только мог знать. Про домогательства, про водку, про ноксирон...

Рассказывает и всю свою историю: в оргиях участвовал, деньги платил, на камеру снимал...

С "Последним танго" у Сани осечка была такая... Он по ошибке сделанную на днях запись Нины Васильевны начал

переписывать не на ту кассету. Не на ту, куда обычно переписывал всё с камеры, а на "Последнее танго в Париже". Минуту спустя опомнился, спохватился, кассету из видеомагнитофона вытащил...

Потом Саня всё, как и положено, переписал на свою обычную «секретную» кассету, где им уже было записано почти два часа отвязного советского порно...

А вот затереть тот сраный минутный эпизод с "Танго в Париже" Саня забыл.

Так и провалялась кассета дома почти две недели никому ненужная, пока отец не отдал её своему другу по Минобороны.

Усатый дядька в строгом костюме, который всё это тебе рассказывает, – Санин отец. Николай Васильевич. Подполковник.

Ты стоишь со своей «Камой» будто каменный. Будто жена Лота, глянувшая на сгорающий Содом...

Санин отец берёт тебя под локоть и призывает сесть на скамейку и всё обсудить в сени дворовой берёзы. И ты молча повинуешься, из-под своей прямой чёлки растерянно глядя в землю под ногами.

* * *

Это был громкий судебный процесс.

"Тихая порядочная учительница три месяца рас-

тлевала своего ученика". "Насилие над несовершеннолетним учеником совершала его же учительница". "Ночь, улица, фонарь, аптека... Все низменные страсти человека". "В тихом омуте..." "Когда стихами Пушкина орудут уста насильницы". "Внеклассные чтения на дому"...

Это всё заголовки свердловских газет того 1987-го года. Вырезки из них ты до сих пор хранишь в своей папке с паспортом, дипломом о среднем полном и высшем образовании, свидетельством о приобретении в собственность квартиры и пачкой других...

Это памятные твоему сердцу фрагменты газет.

По телевидению о том процессе почему-то молчали. Но газеты же трубили, как войско Навина под Иерихоном.

Подполковник Иванов тогда под берёзкой предложил тебе такой вариант событий...

Ты должен рассказать родителям, как всё было. Но есть одно "но"...

Ты не должен ничего упоминать об оргиях на квартире у Нины Васильевны.

Это только всем на руку. Подполковник Иванов не хочет светить в деле своего сына и себя самого. Скандальной репутации его семье не надо.

Да и тебе от этого плюс. Потому что если суду станет известно про твои сомнительные предпринимательские таланты, тебя обвинят в организации группового изнасилования

неоднократное число раз по предварительному сговору...

И с другой точки зрения... Ты занимался предпринимательством, а в СССР на тот момент оно ещё было запрещено. Советы говорили решительное «нет» частному капиталу.

К тому же это было банальное сутенёрство, запугивает тебя подполковник Иванов.

– Так что загремишь ты на полную катушку, – тербит он тебя за плечо, широко улыбается и добавляет: – Витька-Коммерсант...

Тогда, под сенью берёз, ты вспоминаешь что-то про своего деда, отсидевшего срок за продажу пачки чая.

Подполковник Иванов «по-дружески» тербит тебя за плечо и, улыбаясь, добавляет: колония для несовершеннолетних тебя вряд ли прельщает?

Тебе пятнадцать лет. Выдался чудный солнечный день. Можно щуриться, если смотреть на небо. Ты из-под своей прямой засаленной чёлки смотришь на заплёванный и зазорканный клочок земли под ногами. Твоя красавица-"Кама" лежит рядом. Ты сидишь на скамейке у берёзы, и тебя по-отечески обнимает подполковник Министерства Обороны.

После всего, что случилось, ваша молоденькая учительница не должна преподавать в вашей школе, говорит Николай Васильевич. Она вообще не должна больше преподавать.

Ты с замершим сердцем разглядываешь сто раз перетоптанные бычки «Примы» и «Астры» под ногами.

И мы должны обойтись меньшими жертвами в этом деле, говорит Санин отец. Понимаешь, говорит он тебе и опять потечески теребит за плечо. Ты должен всё рассказать родителям...

Смотришь, как муравей тащит маленький листик берёзы мимо солидного зелёного смарча...

Мент, думаешь ты...

Но никакого упоминания о Сане, говорит Николай Васильевич. Да и о своей преступной деятельности вообще... Всем лучше будет.

Санин отец опять теребит тебя за плечо, улыбается через свои усы и спрашивает, пытаясь заглянуть тебе под чёлку в поисках глаз: ты меня понял, Витя?

Мусор, думаешь ты, разглядывая бычки "Родопи"...

Но что бы ты ни думал...

Судебный процесс был громкий...

Ты твердишь перед следователями и судом всё, что тебе в течение нескольких дней втолковывал Санин отец.

Первый раз это случилось тогда-то.

И случилось оно так-то...

Второй раз было так...

Третий так и т. д....

Такого длинного стихотворения ты ещё никогда прежде не учил.

Санин отец всю твою речь прописал по буквам.

Подполковник. Отец семейства. Добропорядочный граж-

данин...

Не хотел, чтобы позорное пятно легло на его семью. На его карьеру...

Но это не помешало ему за день до того, как ты по предварительной договорённости всё рассказал родителям, вынудить тебя опять напоить Нину Васильевну водкой с ноксироном. Когда ты спускаешься вниз, Санин отец велит тебе погулять во дворе. Он говорит, что ему с другом надо провести тщательный осмотр квартиры с целью выявления каких-либо улик, указывающих на оргии и твою предпринимательскую деятельность.

Санин отец говорит тебе это и вместе с другим мужиком поднимается наверх. А ты остаёшься на улице. Садись на качели и в гордом одиночестве пружинишь от земли.

Ты занимаешься этим минут десять. Потом ещё около получаса просто тупо шатаешься по двору, пинаешь камешки, прыгаешь по вкопанным в землю автомобильным покрышкам и опять пружинишь на качели...

Ты не дурак. Ты знаешь, чем именно там могут заниматься два взрослых мужика почти целый час.

Потом они выходят. В руках Николая Васильевича наполовину пустая бутылка водки с ноксироном. Это уже четвёртая бутылка из всех, которые потребила Нина Васильевна за три месяца вашего тесного знакомства.

Вроде, всё подчистили, говорит тебе Санин отец. А это, он показывает бутылку, мы у тебя изымаем...

Никто не должен знать, что ты поил её ноксироном.

Ты должен быть жертвой в этом деле.

Когда твои родители узнают из твоих уст о том, что учительница литературы регулярно принуждала тебя к соитию, матери делается худо.

Толстая сердечница, она сразу же хватается за валокордин.

Отец хлопает своими глазками под толстыми линзами очков и целую минуту не может проронить ни слова.

Что удивительно, твои родители даже не допускают мысли, чтобы подать в суд. Вернее, это-то как раз и неудивительно.

Серые-серые... Как грязь под ногтями.

Он – токарь на УЗТМ, она – оператор разливочного цеха на "Патре".

Они думают максимум о том, как бы тебе скорее сменить школу под конец учебного года.

Но у тебя договорённость совсем иного рода с подполковником Ивановым.

И тебе в итоге ещё приходится уговаривать родителей обратиться в милицию, иначе ты сам пойдёшь к участковому.

В общем, до суда дело всё-таки доходит...

Ты не можешь глянуть в глаза Нине Васильевне после этого. Впрочем, ты и до этого туда не часто заглядывал.

В ходе судебных разбирательств она почти всё время молчит. Пусть она и раньше не бывала многословной, но сейчас

в её молчании отчётливо ощущается испуг.

Неожиданность.

Растерянность.

Шок.

Ты истец. Но будь следствие чуточку расторопнее, то ты был бы ответчиком. Да ещё каким! Таких в СССР ещё не бывало! Не бывало равных тебе!

Организатор первой в СССР порностудии!

Тогда бы газеты пестрили совсем другими заголовками...

"Пятнадцатилетний предприниматель торговал своей учительницей". "Пятнадцатилетних капитанов больше нет, но есть пятнадцатилетний сутенёр". "Тимуровцы конца двадцатого века". "Гайдар мечтал не об этом..."

Такого страна ещё не знала.

Впрочем, она и не узнала...

Ты и просто-то по жизни выглядел жертвой, а на всех судебных заседаниях так и подавно. У судьи ни на секунду не зародилось подозрений в неискренности твоих слов.

Ты был стопроцентной жертвой.

Вдобавок медицинская экспертиза показала, что Силантьева Нина Васильевна имеет высокую степень ноксироновой зависимости. Остатки вещества были обнаружены в её крови и моче...

У твоей учительницы литературы были все яркие симптомы от прекращения приёма ноксирона – тревожность, бес-

сонница, судороги, бред...

Врачи говорили, что могло дойти и до смерти...

В связи с ухудшением здоровья подсудимой судебные слушания были отложены на полтора месяца. До конца лета.

Обнаружение ноксироновой зависимости сыграло не на руку Нине Васильевне. Хотя она, конечно же, и утверждала, что это название слышит впервые.

Во время судебных заседаний гражданка Силантьева почти всё время молчит. Даже когда вопросы адресуются непосредственно ей. А потом становится известно, что она на втором месяце беременности...

В печатные средства массовой информации сведения о беременности обвиняемой не просочились. Но вот у твоих родителей была вторая порция культурного шока...

Только ты и твои друзья "по цеху" знали, что ты сношал Нину Васильевну очень редко. Гораздо реже всех остальных... Не втянулся ты сильно в это дело. Значит, вероятность того, что ребёнок твой, ничтожна.

Но это знают только твои друзья. А та часть общественности, что хоть как-то в курсе, думает совсем иначе. И твои родители тоже...

Они считают тебя отцом, пусть и поневоле.

Вот так вот...

Ты иногда слышишь, как адвокат – спокойный мужчина лет около тридцати с неожиданными шутками чёрного юмора – говорит твоим родителям некоторые странные фразы...

Что-то наподобие: *вот если бы ваш Витя был девочкой, а училка – мужиком, давно бы обвинение переквалифицировали в изнасилование... Там и срок побольше...*

Или что-то типа: *обрюхатилась, зараза... Сложнее теперь будет... Смягчающее обстоятельство, как-никак...*

Или: *мне тут шепнули, что судье дали указание сверху сделать процесс показательным... Так что, возможно, вердикт нас очень даже устроит...*

Ты плохо понимаешь, о чём он твердит. А, судя по тому, что дома родители тоже ничего не могут тебе объяснить, они тоже из его слов ничего не понимают...

А однажды твой адвокат говорит родителям: *поскольку в предъявленной обвинением статье есть туманная формулировка, придётся сделать медицинскую экспертизу по определению половой зрелости вашего парня... Надеюсь, у него ноги ещё не волосатые? Хотя... Если судье было распоряжение сверху, то эта экспертиза будет лишь формальностью...*

Наверное, экспертиза и была формальностью... Но очень неприятной.

Судмедэксперт внимательно изучил твою историю болезни, расспрашивал о твоих привычках, разглядывал белый пушок под твоим носом, в подмышечных впадинах, на ногах и на лобке... А потом он надел резиновые перчатки и стал тщательно ощупывать твои яички и разглядывать...

Старый врач глядит на тебя снизу, из-под твоего члена,

держа твои юношеские яйца в руках, и говорит уставшим голосом: *вообще-то, мне нужно тебе и палец в жопу засунуть, чтобы простату прощупать, но не буду я этого делать, пацан... Тебя тут и без меня уже унизили достаточно. Вот тебе лучшие две баночки – в одну поешь, в другую – вздрочнёшь... Знаешь ведь уже, как это делается, верно? Статья УК обязывает... Дальше по коридору сортир, там всё и сделай... Баночки мне обратно принеси... И будем считать, что ты ещё мал, чтобы с бабами спать... Хотя бриться тебе уже пора, пацан...*

Наверное, адвокат был прав, и сверху действительно было некое указание сделать процесс показательным. Потому что признали тебя неполовозрелым безо всяких проблем.

Это было необходимо для статьи 119 тогдашнего УК РСФСР, которая обещала уголовную ответственность за "Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости"... Это только потом исправят формулировку статьи на чёткое указание возраста потерпевшего (-ой) до шестнадцати лет, а в 1987-ом было именно так. Именно "не достигшим половой зрелости".

А бриться ты начал уже через две недели...

Но жизнь продолжает развиваться своим чередом...

Хоть номер школы в газетных публикациях и не упоминается, как не упоминается ни одной фамилии, но в вашей школе все всё знают.

Учителя смотрят на тебя по-разному... Кто-то с сожалением

нием, а кто и со злостью. Но как бы преподавательский состав к тебе ни относился, а каждый из них всё же старается поменьше с тобой иметь дел. Это значит, на уроках тебя почти не спрашивают, а плохих оценок почти не ставят. Даже если ты не особенно стремишься получать хорошие.

Такая малина тебе только по душе. По вечерам ты редко сидишь дома, не учишь уроки, а всё больше шатаешься по улице и пьёшь портвейн с парнями из соседних дворов.

Но и твоей вольной жизни приходит конец. Родители решают, хватит тебе терпеть позор, и переводят тебя в другую школу.

* * *

В августе 1987-го года Силантьева Нина Васильевна признана виновной по статье 119 УК РСФСР " Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости" и приговорена к отбыванию наказания сроком лишения свободы на полтора года в колонии общего режима.

Никаких смягчающих обстоятельств не было, поскольку медперсоналу удаётся по чьей-то наказке уговорить Нину Васильевну сделать аборт. Ей описывают возможные дефекты плода из-за пагубного воздействия ноксироновой зависимости, и она даёт своё согласие.

Тем самым она подписывает себе более длительный срок...

Сохрани она беременность, и всё могло ограничиться условным заключением.

В сентябре 87-го ты идёшь в десятый класс другой школы.

Нина Васильевна отправляется в лагерь.

Конечно, ты её вспоминал.

Она – главная учительница в твоей жизни. Важнее отца с матерью, которые научили тебя быть одним, а она – совсем другим. Она сдружила тебя со всей районной шпаной и научила таким косвенным образом более-менее налаживать контакт с людьми. Что в нашем современном мире может быть важнее?

Силантьева Нина Васильевна...

Твоя учительница литературы и русского... Лишь на несколько месяцев должна подменить вашу старую Марию Ивановну, которая валялась в больнице после перитонита...

Конечно же, ты её вспоминал.

Да и она наверняка тебя тоже...

Ты впервые идёшь на родительское собрание к своему сыну. Впервые за свои тридцать пять лет. И всё там именно так, как ты представлял себе ещё в детстве.

За партами в кабинете собирается чуть более десятка родителей. Все – матери. То есть женщины. Один лишь ты выбиваешься из общего ряда.

Обсуждается всё: от денежных взносов на побелку кабинета до возмутительного поведения двух девочек, которые курят прямо в школе и посылают свою завуч в жопу...

Когда собрание заканчивается, ты подходишь к классной руководительнице твоего сына и выслушиваешь всё о его «успехах»... Обещаешь, что со следующей недели Саня начнёт исправляться. Но больше тебя интересуют его успехи на поприще литературы. Откуда у него такие хорошие оценки только по литературе и русскому?

Ты напрямую спрашиваешь об этом его классную...

Знаете, говорит она, а спросите об этом саму учительницу литературы... Она как раз сейчас должна быть в актовом зале – они там со школьным активом по вечерам последнюю неделю репетируют сценки к юбилею школы, который скоро будет...

Ты идёшь к актовому залу, чтобы глянуть на эту интересную учительницу.

Школа уже совсем пустая. В такой поздний час здесь почти уже нет учеников и учителей. Только техничка, сторож и те, кто пришли на это родительское собрание и молодёжь, участвующая в подготовке сценок...

У актового зала остались лишь две ученицы. Они говорят, что они репетицию закончили, и учительница уже ушла. Минут пять назад... Так что если поторопиться, то ещё можно нагнать.

На первом этаже ты видишь женщину в возрасте, которая идёт к выходу. Она одета, как и описали ученицы – в осенний коричневый плащ и чёрные сапоги.

Ты хочешь её сначала окликнуть, но что-то мешает. Ты выходишь за ней из школы и идёшь следом – по тёмной осенней улице. Идёшь за ней поодаль и почему-то не решаешься приблизиться или хотя бы окликнуть...

Тебя охватывают какие-то странные ощущения... Ты смотришь на маячащую впереди в вечерней темноте спину литераторши среднего возраста, и тобой овладевает нежность.

Подозрения. Сомнения. Тяга...

Ты плетёшься за Саниной литераторшей через тёмные дворы. Плетёшься по блестящему от дождя в свете оранжевых фонарей асфальту.

Тайком пересекаешь один двор, второй, третий...

Когда учительница направляется к подъезду одной из высоток, ты ускоряешься и оказываешься у дверей лифта пря-

мо рядом с ней.

Твоё сердце просто ломится из груди. Стучит, как сумасшедшее... В горле пересыхает.

Всё прямо как двадцать лет назад... Когда ты подсыпал в водку ноксирон...

Санина учительница озирается на тебя у лифта. Ты видишь её слегка напуганные глаза под линзами очков. Она боится, глядя на тебя.

Ей около пятидесяти. И морщины, и складки – всё говорит об этом.

Открываются двери лифта, вы заходите... Ты ждёшь, какой этаж она назовёт, но она молчит. Она смотрит в фанерную стенку, исписанную нецензурной бранью молодёжи.

Ты понимаешь, что тебе придётся первому говорить этаж. И ты говоришь: двенадцатый... Седьмой, тихо отвечает она. Тихо, но с долей твёрдости.

Хотя она немного напугана, понимаешь ты.

Ты нажимаешь кнопку седьмого этажа, и стальные тросы тянут коробку лифта вверх.

Вы оба едете в полной тишине. Только лифт шумит.

В твоём горле всё уже совсем сухое. Коленки трясутся. Сердце долбится.

Ты тоже окаменевшим взглядом буравишь фанерную стенку с написанными маркером непристойностями...

Периферическим зрением ты видишь, что Санина учительница подтягивает сумочку к груди и запускает в неё ру-

ку, звеня металлом...

Лифт останавливается на седьмом этаже, и она выходит.

Ты смотришь ей вслед, видишь, как она подходит к двери своей квартиры. Ты не спешишь нажимать кнопку двенадцатого этажа. Ты смотришь...

Санина учительница замирает перед дверью, и ты понимаешь, что сейчас она спиной ощущает твой взгляд. Наверняка её напрягает, что ты всё ещё не уехал, а стоишь и смотришь на неё. Это любому бы показалось странным...

Ты видишь, как она опять подтягивает сумочку к груди и звенит металлом в ней...

Тогда ты делаешь из лифта шаг...

Язык будто прилип к нёбу, а сердце всё бешено колотится.

Ты делаешь шаг, ещё шаг...

Она оборачивается к тебе, и под линзами очков ты видишь её испуганные глаза. Такого испуга ты не видел никогда. В глазах лишь безотчётный страх...

Ты хочешь что-то сказать, но почему-то не получается. Язык ворочается, а слова не изрекаются.

Ты не сразу замечаешь, как Санина перепуганная учительница выдёргивает из твоего живота окровавленный нож и втыкает его ещё раз...

Быстрый выдох вырывается из твоей груди, и ты заваливаешься на бетонный пол.

Лежишь на спине и трогаешь руками свой развороченный живот. А виновница стоит над тобой и держит в трясущейся

руке нож, будто гуашью измазанный твоей кровью по самую рукоять.

Вот так история, думаешь ты, держа руки на вспоротом животе. Ты смотришь в испуганные глаза учительницы литературы и теперь точно понимаешь, что это ТЕ САМЫЕ глаза...

Её всю трясёт от страха. Трясёт от случившегося.

Нож дрожит в её руке, а потом и вовсе выскользывает из ослабевших пальцев на пол...

*Это было у моря, где ажурная пена, Где встречается ред-
ко городской экипаж Королева играла – в башне замка – Шо-
пена, И, внимая Шопену, полюбил ее паж...*

Ты произносишь эти строки, лёжа на холодном бетонном полу, и руками ощущаешь жар в животе. Но всё же ты пытаешься улыбаться и читаешь дальше:

*Было все очень просто, было все очень мило: Королева
просила перерезать гранат, И дала половину, и пажа исто-
мила, И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.*

Нина Васильевна слышит эти строки и отступает назад. Спина натывается на дверь своей квартиры, съезжает по двери вниз, прикрывает лицо руками и принимается плакать

*А потом отдавалась, отдавалась грозово, До восхода ра-
быней проспала господжа... Это было у моря, где волна би-
рюзова, Где ажурная пена и соната пажа.*

И ты теряешь сознание...

Ты так никогда и не узнаешь у сына, почему по всем предметам он не успевал делать домашние задания, а по литературе и русскому – запросто.

Это навсегда так и останется на уровне подозрений и косвенных доказательств.

Это навсегда останется только его тайной.

Но как бы там ни было, а после всего случившегося школьная успеваемость твоего сына налаживается.

Тогда в подъезде тебя откачали...

Бригада "скорой помощи" прибывает вовремя, и всё обходится.

Через три месяца Силантьеву Нину Васильевну суд приговаривает к трём годам лишения свободы за умышленное причинение тяжкого вреда.

На суде её адвокат говорит, что в течение последних месяцев в районе, где живёт обвиняемая, было несколько случаев изнасилований...

Адвокат говорит, именно поэтому обвиняемая стала носить с собой нож.

Он говорит, что обвиняемая просто посчитала тебя вероятным насильником и не совладала с собственным страхом...

Суд принимает всё это во внимание и выносит свой вер-

дикт.

На три года гражданку Силантьеву отправляют в шестую нижнетагильскую колонию для отбывания установленного наказания.

Конечно же, ты будешь её помнить.

Да и она наверняка тебя тоже...

Ведь вы, наверное, самые значительные события в жизни друг друга...

Ты – в её серой жизни, она – в твоей.

* * *

(Для подготовки обложки издания использована фотография автора).